

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Картель
правосудия*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Картель правосудия

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Картель правосудия / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

При загадочных обстоятельствах умирает Председатель Верховного Суда России. Но его смерть сопряжена с не менее драматическими событиями: исчезновением дочери, преуспевающей хозяйки ресторана, и гибелью крупнейшего уголовного «авторитета». По личному указанию Президента сформирована следственная бригада, возглавляемая «важняком» Александром Турецким, который приходит к выводу, что правоохранительная система и судебная власть, укрепляя свой авторитет, в союзе с банковским капиталом опираются еще на одну силу, страшную и преступную.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
«ВАЖНЯК» ТУРЕЦКИЙ	5
ВРИО НАЧАЛЬНИКА МУРа	12
КАТЯ МАСЛЕННИКОВА	17
ГРЯЗНОВ	24
ЭЛЬДАР НАЗАРОВ	27
ТУРЕЦКИЙ	31
КАТЯ	36
ЭЛЬДАР	39
КАТЯ	42
ТУРЕЦКИЙ	44
КАТЯ	46
УТКИН	49
ТУРЕЦКИЙ И КОМПАНИЯ	54
КАТЯ	57
ГРЯЗНОВ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фридрих Евсеевич Незнанский

Картель правосудия

Глава 1

«ВАЖНЯК» ТУРЕЦКИЙ

13 февраля, утро

Он готов был поступить как шекспировские герои, тем более что в мозги назойливо лезла классическая строчка: «В тесной комнатухе они расквитались по-крупному». Главное было – удержаться и не чихнуть. В носу уже чесалось не на шутку. Насморк мучил его уже почти неделю. Турецкий бесшумно ступил сначала на пятки, постепенно перенося вес тела на всю ступню. Итак, час расплаты настал. Хотя, если соответствовать истине, на часах было 11.17. Но от избытка чувств Турецкий готов был перевести их на ноль, учредив тем самым свой личный часовой пояс. Только бы не чихнуть.

«В тесной комнатухе...» Турецкий остановился за углом, затаил дыхание и оставался недвижим. Оружия он не доставал. Только бы не чихнуть. В течение минуты у него не дрогнула ни одна мышца, и он не сомневался: Тот, за кем он охотился всю последнюю неделю, даже близко не подозревает, что они находятся на расстоянии вытянутой руки. А Турецкий почти чувствовал его запах. Ну что же, на этот раз с Ним будет покончено!

Вдруг – и совсем не вовремя – Турецкий припомнил, что подобный психофизический прием существует в спорте. В парных гонках на велотреке он называется «сюрпляс». Там речь идет не о рекордном времени, а единственно о том, кто придет к финишу первым. (Черт побери, как это нам близко, подумал Турецкий, облизнув высохшие губы.) И часто возникает совершенно поразительная картина: велосипедисты, потихоньку сбрасывая темп, вдруг останавливаются вообще и буквально прилипают к одному месту, не продвигаясь вперед ни на йоту, внимательно наблюдая друг за другом, на расстоянии буквально нескольких шагов! Они пытаются усыпить бдительность, но в то же время не пропустить рывка соперника! И могут простаивать так, в этой засаде в метре друг от друга, по пять минут, в то время как до финиша – просто рукой подать! Изюминка заключается в том, что стартовый рывок, так сказать, первоначальный импульс, может оказаться мощнее финишного спурта...

Только бы не чихнуть. Турецкий улыбнулся про себя. У него было давно забытое ощущение двух семерок в прикупе для мизера. У него было ощущение удачи. У него был кураж! Ну что ж, пора все расставить по своим местам. Этот гад позволил себе слишком много и теперь должен расплатиться. Он переступил черту. Он перешагнул Рубикон. Он перелез грань дозволенного, этот мерзкий, вонючий ублюдок! Об этом деле не знал никто, кроме них двоих, оно не фигурировало ни в каких процессуальных бумагах, это было только между ними, и так оно и останется, черт возьми!

...А возможно, тот, кто первый придумал сюрпляс, просто посмотрелся вестернов, когда ленивый ковбой с мужественным, обветренным лицом тянется к своему кольту или «смит-и-вессону». Его рука вдруг замирает в сантиметре от кобуры, он, немного нервно шевеля пальцами, пристально вглядывается в лицо непримиримого врага, зеркально совершающего все те же телодвижения. И вот, они стоят так и стоят, на разных концах улицы, сверля друг друга взглядами, и именно это есть истинная дуэль, а последующая за этим стремительно-легкая вибрация воздуха и роковой выстрел – лишь логическая точка.

Только бы не чихнуть... И Турецкий молча вынырнул из-за угла, справедливо надеясь застать Его врасплох. И... судорожно глотнул воздух, еще не вполне понимая, что был в очередной раз обманут.

Не тут-то было. Противник уже почти скрывался из виду.

Турецкий, почувствовав, что сердце куда-то неудержимо проваливается, не застрыв даже в пятках, отчаянно бросился наперерез, понимая, что если Тому удастся преодолеть последнее препятствие, то это – все, поминай как звали. Допустить же такой поворот событий было никак не возможно. Слишком уж долго он охотился за Ним, за этим мерзким, вонючим ублюдком!

И тут случилось непоправимое. Произошло то, от чего Турецкий просто оторопел, даже не сразу сообразив, насколько это было оскорбительно. Этот ублюдок... он... он нарушил правила игры. Он забрался на стену...

Огромный черный таракан быстро пересек ее и позорно удрал под плинтус. Да, под плинтус. От чего тот, кажется, еще больше отошел от стены. Причем даже со скрипом.

Турецкий был просто уничтожен. Он плюхнулся в свое кресло, сильно подозревая, что после такого фиаско вряд ли уже на что сегодня будет способен. Почти неделю он охотился за этим громадным черным насекомым, после того как оно, проявляя поразительные тактические качества, два дня подряд купалось в его черном кофе (две ложки Chibo, полторы – сахара на сто пятьдесят граммов воды, горячей, кипяченой, но не кипящей), едва лишь Турецкий выходил из кабинета, и удирало, оставляя по ходу движения характерные следы на обоях. И вот. *Vae victis... vae victoribus* – горе побежденным... горе победителям.

Турецкий с остервенением чихнул несколько раз подряд, но это не принесло ожидаемого облегчения. Насморк изводил его уже почти неделю. И по всем теоретическим выкладкам должен быть на исходе. Ан нет. Они боролись на равных: Турецкий, в отличие от тараканов, не применял запрещенных приемов: никаких капель, отваров, примочек! Знакомый доктор в ведомственной поликлинике (по слухам, личный врач самого Парламентария) пару дней назад объяснил ему, что сам собой насморк проходит за десять дней, а подгоняемый всяческими разными каплями – за семь-восемь. Так какая разница?!

– Отчего он вообще возникает? – чисто из вежливости поинтересовался тогда Турецкий, загнанный на медицинскую территорию исключительно усилиями любящей супруги Ирины Генриховны. «Перегриппую, перегриппую. Как бы дочь не заразил!»

– Вот-вот, – неожиданно занервничал эскулап. – В самую точку.

– Что – в точку? – не понял Турецкий.

– Никто! Понимаете? Никто не может уразуметь, отчего он возникает, откуда берется, почему происходит, для чего существует! Причина – неизвестна. И это – просто чудовищно! Это – катастрофично! – Он вытащил смятый платок и промокнул моментально вспотевшее лицо и протер очки. – Это нелепо, но это факт! Ничтожнейшие сопли просто текут себе, и все тут! Но почему, почему?! – взвыл доктор. – Это как рак, это как СПИД. Причины возникновения – тоже неизвестны. А значит, и методы лечения – в совершеннейших потемках... Короче, – резюмировал он с полным отчаянием в голосе. – Это – ужасная болезнь. Она неизлечима. И когда-нибудь она приведет человечество к гибели.

– Есть разные болезни, друг Горацио, что и не снились нашим мудрецам, – съязвил Турецкий.

– Вот именно, именно, – оживился доктор. – Вот, например, ваш генеральный прокурор. Вот что с ним такое может быть?

– Генеральный болен, – хладнокровно ответил Турецкий, отметив про себя, что ничего иного он бы не смог сказать ни святой инквизиции, ни под пытками в гестапо, ни на допросе первой степени в ФБР. Возможно, просто потому, что это было правдой. Отсутствие генерального в последний месяц стало уже притчей во языцех.

– Болезнь генерального, по-видимому, довольно деликатного свойства. – Доктор запустил еще один пробный шар. Но Турецкий только пожал плечами.

Из поликлиники он уехал с твердым решением даже близко не подходить к аптечным киоскам и на корню отверг все последующие атаки жены с целью домашнего самолечения.

И тем не менее пора было возвращаться к своим баранам. То есть к своим сафронам. Турецкий достал из шикарной зеленой кожаной папки (подарок секретарши, питавшей несомненную слабость к кожаным вещам) пару листов со своими каракулями. Из которых любой нормальный, далекий от почерковедческой экспертизы человек смог бы вычитать только одно слово: Сафронов. (Оно было жирно подчеркнуто два раза. Турецкий секунду подумал и подчеркнул еще раз.) Впрочем, гомо сапиенс, обладающий зачатками интуиции, после нечеловеческого напряжения, возможно, перевел бы и следующую фразу: «Начальник следственного отдела УВД Центрального административного округа». В общем-то это фигура. Конечно, не бог весть какой номенклатурный пост, но не стоит забывать, что ведь – в Центральном округе. Любая уголовщина, происходящая в пределах Бульварного, а тем более Садового кольца, приобретает сильное звучание. Ну а если речь идет о вещах более тонких, об «авторитетах», о заказных убийствах... Надо полагать, в сфере определенных вопросов этот человек может быть всесильным. Он сам себе РУОП. Понятно, что далеко не на все «дела» он в состоянии повлиять, но как источник информации и как «стрелочник» может оказывать чрезвычайные услуги.

Что же есть реально на этого Е.П.? Только мертвый свидетель неизвестно чего, по фамилии... по фамилии Сагайдак, по званию старший лейтенант. И поросшее мхом гипотетическое предположение, что сей достойный милицейский муж (Сафронов Е.П.) берет взятки. Причем, видимо, давно. И если да, то делает это регулярно и с удовольствием.

Старший лейтенант Сагайдак в то время был капитаном (как это?!), квалифицированным милицейским экспертом из Северо-Восточного округа и непосредственно с Е.П. либо под его чутким руководством никогда не трудился. Их пути пересеклись лишь однажды. Так в чем тут дело?

Турецкий полистал жиденькую папку...

Ага, в следующем. Сагайдак находился в составе оперативно-следственной группы, исследовавшей все то, что осталось после взрыва в 48-м троллейбусе. Занимался составлением диаграммы последствий взрыва. Фотографировал тела погибших. Проверял содержимое их сумок и карманов... Стоп-стоп-стоп! Если все вокруг разнесло в клочья, то как можно было понять, что где находилось до взрыва, в каких карманах и сумках?...

А на следующий день после взрыва, когда все средства массовой информации, как водится, завопили о «чеченском следе», мэр города пообещал крупную денежную награду за раскрытие преступления, установление мотивов и поимку организаторов и исполнителей теракта. Турецкий помнил, что это дело, как и многие другие, спустили на тормозах, ничего и никого не нашли. Как будто... Или нет?

Мертвый ныне свидетель по фамилии Сагайдак утверждал, что уже через два часа после выступления мэра в лабораторию окружного морга с толстым портфелем неожиданно прибыл полковник Сафронов Е.П. Он потряс воздух распоряжением замминистра МВД, выставил всех вон и засучив рукава принялся за дело! А еще через час последовало полуофициальное заявление, что в клочьях одежды погибших были найдены другие клочья, которые удалось идентифицировать как обрывки писем и документов, принадлежащих лицам несомненно чеченской национальности! Фантастика... А вывод, соответственно следуя логике Сафронова Е.П., надо было делать такой. Террористы сами ехали в троллейбусе, но поскольку, пока что чеченский «патриотизм» еще не доходил до состояния камикадзе, то, значит, взрыв случился незапланированно. Допустим, кто-то выронил взрывчатку себе под ноги.

Сагайдак утверждает (вернее, утверждал), что Е.П. сфальсифицировал улики. И делал это на том основании, что... что... Турецкий поискал в деле эти самые основания и ничего не

нашел. Да какие, к дьяволу, основания?! Он прекрасно понимал, что имел в виду Сагайдак. Они, эти основания, опытному криминалисту были не нужны. Он занимался останками погибших двое суток и все проверил и изучил досконально. Не было никакого «чеченского следа» в виде записок и документов. Не было, хоть ты тресни! Но произошла необъяснимая вещь. Первая, самая подробная, детальная опись вещдоков со всеми диаграммами взрыва мистическим образом исчезла. Что и дало замечательную возможность неутомимому Сафронову приобщить к делу свои ценные находки. Аплодисменты, дамы и господа.

Итак, закладка No 1. Чтобы получить доступ к «работе», Е.П. запасся личным распоряжением замминистра.

Если Сафронов нечист на руку и при этом сребролюбив, то вполне логично, что, презрев свои серые будничные дела, бумагомарательство и прочую милицейскую дребедень, он рванул раскрывать свеженькое преступление. А если по-другому? По-другому это называется служебным рвением.

У Турецкого зачесалось в носу.

Что же было дальше?... Сагайдак немедленно доложил по инстанции о своих наблюдениях. Была организована новая следственная группа, занявшаяся дополнительным расследованием (кусочки «исполнителей» ведь находились в морозильных камерах). Руководителем бригады оказался... сам Сафронов Е.П.! Ну ни фиги себе... Вот тут-то он и прищучил не в меру ретивого капитана. Того понизили в звании, в должности, в зарплате и в чем только можно. Наверное, если бы Сафронов смог, он сделал бы Сагайдака ниже ростом и уменьшил суточную норму кислорода. Впрочем, вскоре это и произошло. Но, как пишут в скверных детективах, не будем забегать вперед. Турецкий чихнул.

Что касается взяточничества, то первые «сигналы» на Е.П. были еще шесть лет назад, в бытность его простым советским следователем. И – не подтвердились. Затем еще через два года. И – снова не подтвердились. Теперь появилась еще одна, косвенная, правда, улика.

Сегодня ночью на Каширском шоссе после недолгой перестрелки разбились две машины. Шестерка «Жигули», за рулем которой сидел Сагайдак, и темно-синий «БМВ 2022 МНО», с неопознанным пока что молодым человеком. Ровно по шесть пулевых отверстий в каждой машине. Оба водителя погибли. Свидетелей нет. Среди личных вещей неизвестного владельца иномарки был обнаружен конверт с 750 долларами и инициалами Сафронова. По заключению баллистической экспертизы, выстрелы производились из трех пистолетов. Значит, был еще кто-то, покинувший поле брани, оставив на нем деньги, если он о них, конечно, знал. И на чьей он был стороне, этот третий? Может, на своей собственной?

Можно справедливо предположить, что Сагайдак отслеживал темно-синий «БМВ», а тот обнаружил слежку. Но ведь сей туманный факт свидетельствует лишь о том, что, возможно, вероятно, предположительно, ему собирались эти деньги за что-то вручить. И еще неизвестно, взял ли бы он их. А может быть, он занимал. В долг. Под проценты. С оформлением всех соответствующих бумаг. Или под честное слово. Или под залог. Кто знает?

По иронии судьбы оба факта компромата на Е.П. выяснились по схожему алгоритму. Вещдоки были обнаружены у людей, уже погибших в транспорте. Совпадение это или случайность, как говорит Меркулов?

Закладка No 2. Совсем не сыщик, а скорее эксперт-криминалист, то есть научный работник, экс-капитан Сагайдак следил за Е.П. И уж наверняка – за людьми, входящими с Е.П. во внеслужебный и неформальный контакт.

Турецкий пытался рассуждать логично. Хорошо, допустим, Сафронов берет взятки. Ладно, пусть он действительно их берет. А кто, собственно, этого не делает? Тот, кому не предлагают. Логично? Очень логично. А еще кто не берет? Ну кто? «Я, – вдруг вспомнил Турецкий. – Я не беру. А почему, кстати сказать?»

Что есть взятка, если разобраться? Неформальная компенсация за неформальный подход к работе. Но с одним нюансом – компенсация, выданная авансом! Вот что удивительно. Да... Внутреннее расследование – самая отвратительная вещь. После насморка.

Щелкнул репродуктор внутреннего телефона, и секретарша следственного отдела проворковала:

– Александр Борисович, информация на Сафронова уже у вас в компьютере.

Турецкий, не так давно прошедший компьютерный ликбез, тяжело вздохнул и, неловко ткнув пальцами, набрал несколько комбинаций на клавиатуре. Ввел личный код допуска, соответствующий уровню секретности запрошенной утром и только сейчас полученной информации...

Что касается ставшего уже привычным отсутствия генерального на трудовом посту, то тут действительно есть о чем задуматься. Чиновники подобного ранга бесследно не исчезают. А между тем никто не может авторитетно заявить (включая Костю Меркулова, как раз временно и исполняющего обязанности Генерального прокурора Российской Федерации!), что за последний месяц лично видел его, хотя бы в замочную скважину.

Хотя лично Турецкий от этого никакого вреда, кроме пользы, не чувствовал. Когда еще ему предоставится подобная свобода действий, как в то время, когда его ближайший кореш не без успеха изображает генпрокурора? Ну, может, разве когда Грязнов дотянет до министра МВД? Но это уже, наверное, будет в другой жизни. С другой стороны, как назло, никаких особых преимуществ из нынешней вседозволенности сделать пока не удалось. Взять хоть это дело с Сафроновым.

В правом верхнем углу экрана появилось четыре фотографии Сафронова Е.П. На одной он был в форме полковника милиции, на другой, несмотря на немалый живот, оказался увековечен в лихом прыжке на теннисном корте, на третьей – прогуливался по Новому Арбату с коренастым ротвейлером на металлическом ошейнике с шипами, одна лишь мускулистая шея которого, видимо, навела ужас на шарахнувшихся в стороны прохожих, что и запечатлел неизвестный фотограф. А на последней оказался на каком-то светском рауте рядом с мэром города. Е.П. смотрел со всех снимков открыто, прямо, весело, даже несколько дерзко, вызываяще, что ли. Взгляд этот выражал, казалось, одну-единственную фразу: какого, собственно, хрена?! Его круглая лысая голова была посажена на короткой шее, под стать конституции собственной собаки. Большие уши, может, когда-то и оттопыривались, но щеки со временем настолько округлились, что это совершенно нивелировало лопухость. Одним словом, вполне приятный нахальный мужичок-боровичок.

Итак, полковнику Сафронову Е.П. сорок пять лет, русский, женат во второй раз, от первого брака – двое детей, от второго – столько же. Е.П. прошел всю мыслимую должностную лестницу, начинал больше двадцати лет назад в подмосковном Звенигороде банальным постовым. «Легковые – налево, грузовые – направо, пешеходы – прямо», – мысленно скомандовал Турецкий. Так... В тридцать три года заочно закончил юридический институт. (Правда, работа в органах – занятие потомственное. Сафронов-старший доблестно трудился еще в ГПУ, потом, среди прочих славных кампаний, участвовал в «деле врачей» и прищучивании «безродных космополитов». Сейчас – на заслуженном отдыхе.) Во время проведения московской Олимпиады отличался особым рвением. В чем, черт возьми?! В толкании ядра? Так... С 1981 по 1985 год работал в различных криминалистических группах, подчинявшихся непосредственно МВД, которые постоянно курировал нынешний заместитель министра. Отлично, эта связка становится ясна. С восемьдесят пятого Е.П. – на оперативной работе. С 1990 года – в следственном отделе Центрального административного округа. Собран и целеустремлен в решениях конкретных задач, которые решает с уникальной, хм, так и написано... с уникальной быстротой. Сторонник силовых методов воздействия на подсудимых. Хм... Командировки в Таджикистан, Чечню. Принимал участие в планировании совместных операций с

ФСБ. В своей нынешней должности пребывает чуть более двух лет. Е.П. имеет пять правительственных наград, и все – юбилейные. Но зато за последние полгода – личная благодарность мэра Лужкова за раскрытие «чеченского следа» по делу взрыва в троллейбусе на маршруте No 48... Ну еще бы! (Правда, никакой денежной награды.) И ведь никто не задается вопросом: какое отношение имеет следователь из Центрального округа, пусть и самый основной, к взрыву возле метро «Алексеевская», пусть и на проспекте Мира?! Так...

Заломило голову. Турецкий потер виски.

На экране замигало: "Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы..."

Приложение No 1. Нажмите любую кнопку для продолжения".

Турецкий ткнул еще раз. Но следующая фраза вообще заставила его разинуть рот. Черным по белому (вернее, учитывая цвета экрана, зеленым по голубому) в справке на Е.П. значилось:

*Только для служебного пользования.
Пресс-релиз САГ «Аист»,
выполненный по стандартным критериям
и в иерархическо-анонимном порядке.
Бюллетень No 17-s.*

Согласно последнему рейтинг-листу, составленному по N. Wolf-системе, оценивающему практический (результативный) профессионализм следователей всех уровней следственного аппарата Москвы, но за исключением следственного управления ФСБ (эксклюзивный код доступа разряда 9799 FG), полковник милиции Сафронов Е.П. занимает 7-е место с личным коэффициентом: 23195 (9-е – по итогам предыдущей недели).

Для ознакомления с Приложением No 2 нажмите любую кнопку...

– Вот тебе и подарок от фирмы. – Турецкий помотал головой и снова глянул на дисплей. Да нет, конечно, ему не померещилось, все так и было. Рейтинг для следователей?! Вот именно... Как для шахматистов или теннисистов?! Да что же это такое, черт возьми?! Кому он мог понадобиться? То есть нет... но кто его делает?! И каким образом? Что это за N. Wolf-система? Что за загадочный САГ «Аист» со своим пресс-релизом?

«Для ознакомления с Приложением No 2 нажмите любую кнопку...»

– Ах да... – Турецкий машинально нажал кнопку.

«Для ознакомления с Бюллетенем No 18 введите эксклюзивный код доступа разряда 9799 FG)...»

Ну еще бы! До эфэсбэшников так просто не доберешься. Турецкий без малейшей веры в успех ввел свой личный код допуска, подождал несколько секунд, но тут компьютер банально завис. Турецкий нажал три свои любимые кнопки: Ctrl и Alt+Del. Компьютер перезагрузился, и Турецкий повторил всю операцию снова, но и результат был тот же! Это могло значить следующее.

1. Возможно, у него есть код доступа к какой-то информации о ФСБ, о чем он, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ старший советник юстиции Турецкий А. Б., нет, лучше – А. Б. Турецкий, на пару с большим черным тараканом, сидя в своем идиотском кабинете на четвертом этаже 15-го дома по Большой Дмитровке, даже ни сном ни духом.

2. Компьютер мог тривиально давать сбой. Тем более под его, старшего советника юстиции, корявыми пальцами. Эффект присутствия мастера, знаете ли.

3. Сетевая информация, которой он сейчас пытался воспользоваться, является чем-то вроде бесплатной рекламы, как «Экстра М» или «Центр Плюс», которые щедро разбрасывают по почтовым ящикам.

4. А что, собственно, – 4?! Только то, что все три предыдущие пункта могли как исключать один другой, так и банально мирно сосуществовать.

– Соединяю с начальником МУРа, – снова раздался голосок секретарши.

– Привет, Слава. – Турецкий взял трубку. – Как дела?

– Жизнь безусловно кончена, – проскрипел Грязнов. – Но в остальном – все прекрасно.

Что еще желаешь узнать?

– У меня плохие новости, – признался Турецкий.

– У тебя плохие новости? – занервничал Грязнов. – Я ненавижу плохие новости.

– Все не любят плохие новости, – резонно откликнулся Турецкий.

– Все – не любят, – подчеркнул Грязнов. – А я их – ненавижу!

– Ну так слушай. Мы все «под колпаком» у Мюллера. То есть, я хочу сказать, что всех столичных следователей взяли на учет и регулярно выставляют оценки. Как тебе это нравится?

– А родителей не вызывают? – с опаской поинтересовался Грязнов.

– Тебя что, это совсем не трогает?

– Ну почему же. Я вроде слышал об этой лабуде. Но и только. А кто ей занимается? И для кого? И потом, как «они» «это» подсчитывают?

– Пока что сам не пойму. Если будет свободное время в конце дня, приезжай, в моем сейфе для тебя найдется кое-что любопытное. Кроме того, посмотрим, какие баллы эти эксперты вшивые нам с тобой нарисовали.

– Мысль, – одобрил Грязнов. – Тогда до вечера.

– Подожди, это все?! Это же ты мне звонил, – напомнил Турецкий.

– Ах да. Ну ладно. Так вот. Меня отправили на пенсию.

– Вечного врио начальника МУРа?! – возмутился Турецкий. – Никогда не поверю.

– Придется. Я теперь семейными склоками занимаюсь. Буду отмазывать какого-то престарелого банкира от убийства собственной тещи-долгожительницы. – И, видимо заглянув в бумаги, он добавил: – В целях сосредоточения оперативной работы в одном ведомстве.

– Ух ты! Скажи еще что-нибудь умное, – искренне попросил Турецкий.

– Как там ваш генеральный? – риторически брякнул Грязнов и повесил трубку.

А действительно, как генеральный? Генеральный – болен. Не долго думая, Турецкий снова протянул руку к телефону и набрал прямой номер Меркулова, который существовал лишь для немногих посвященных.

– Константин Дмитрич? Как здоровье? Ну, слава богу. В общем, крепись. Мне нужна санкция на прослушивание Е.П.

– Кого-кого? – удивился Меркулов.

– Ах да, – спохватился Турецкий, которым вдруг овладела страсть к сокращениям, – эта аббревиатура еще не стала достоянием общественности. Мне нужна санкция на прослушивание полковника Сафронова, занимающего должность НСО ЦАО МВД.

– Есть серьезные основания? Ты что, уже установил личность убийцы этого криминалиста? Сагай... дака?

– Да, – вдохновенно соврал Турецкий, надеясь, что скоро так и будет. – В этот момент он интуитивно, даже не отдавая себе отчета, дернул ногой и под его черным английско-турецким ботинком «Trasta» (сорок второй размер, триста семьдесят тысяч, пардон, рублей, на рынке «Динамо») хрустнул большой черный таракан, мерзкий, вонючий ублюдок, опрометчиво пересекавший комнату!

Час расплаты пробил. Враг был уничтожен. Турецкий удовлетворенно чихнул.

ВРИО НАЧАЛЬНИКА МУРа

13 февраля, утро

Грязнов ошибался.

Престарелый банкир оказался энергичным мужчиной сорока двух лет. А его покойная теща была и того моложе: Валерия Ильинична Ширинбаева умерла в свой сорок первый день рождения. Что было неприятнее всего.

Собственно, Грязнову было на это плевать. Но впервые за последние полгода (что в отечественных ритмах смены чиновников просто эпическая протяженность) он получил абсолютно конкретную команду непосредственно из аппарата министра МВД – работать с этим делом лично и персонально в единственном числе. Естественно, оно находилось в ведении городской прокуратуры. Ну а задача МУРа была классической – вычислить и взять преступника.

Виктор Эммануилович Лозинский, президент «Артельбанка», производил на собеседника интенсивное впечатление. Примерно как гамма-лучи. (По-другому Грязнов назвать бы это не смог.) Среднего роста, стройный, худощавый, пожалуй, даже несколько сублильный, словом, как говорят американцы, ни капли лишнего жира. Чуть вытянутые, но правильные черты загорелого лица и пронзительные голубые глаза. Ни одного седого волоса в черной шевелюре, зато заметный шрам на лбу. Шерстяной пиджак в темно-зеленую клетку и синие джинсы сидели на нем свободно, но не болтались.

Грязнов любил наблюдать за тем, как посетители входят в кабинет начальника МУРа. Пусть даже и врио. Обычно люди неоправданно много суетятся, придавая слишком большое внимание дверям. То посетители неловко поворачиваются задом к хозяину, чтобы поскорее их притворить. То бестолково пытаются закрыть двери у себя за спиной, неизбежно выворачивая руки. То забывают закрыть вовсе, а то нахально хлопают и сами же этого пугаются. Они спотыкаются на двух квадратных метрах и не знают, куда девать руки. Как будто только что с той стороны двери они кого-то придушили.

В общем, «покажи мне, как ты закрываешь дверь, и я скажу, кто ты».

Лозинский вошел в кабинет как-то незаметно, вдруг, и дверь за ним закрылась как-то сама. Он держал руки в карманах и не собирался их оттуда вынимать. И теперь Лозинский сидел на стуле совершенно прямо, но расслабленно, отлично владея своим скоординированным телом. Выглядел встревоженным, но не паникующим. Походил, пожалуй, на русского аристократа в Париже времен первой волны эмиграции. У тех была бездна достоинства и обаяния и дыры в карманах. А этот – процветающий банкир. Правда, прикончивший родную тещу. Возможно, прикончивший справедливости ради, уточнил про себя Грязнов.

Диалог с Лозинским напоминал партию в пинг-понг. Он давал ответы четкие и односложные. Подбрасывая лишь изредка ироничные детали, неставлявшие, впрочем, никого из участников событий в невыгодном свете. Казалось, он ждал от Грязнова помощи и полагал, что вправе на нее рассчитывать.

– Сколько лет вашей супруге?

– Двадцать один. Это... был и ее день рождения.

– О чем вы? – не понял Грязнов.

– Она родилась в день рождения своей матери.

– А теперь получается, и в день смерти? Хорошенькая память останется на всю оставшуюся жизнь. Как же она будет праздновать?

– Вы меня смущаете, – с каменным лицом сказал Лозинский. Он скрестил руки на груди, и на узком запястье левой Грязнов увидел запаянный в один корпус с браслетом хро-

нограф Rolex стального цвета, на безымянном пальце правой – изящное обручальное кольцо. Настолько тонкое, что Грязнов невольно напряг зрение: уж не померещилось ли оно вообще?

- Чем занимается ваша жена?
- Спортом. Фигурным катанием.
- У вас есть дети?
- Сыну полтора года.
- Надеюсь, хоть он-то родился в другой день. Вы приехали с охраной?
- Простите?

Грязнов не стал повторять вопрос. Он остановил магнитофон в ящике стола. Чуть отмотал запись назад и нажал на «воспроизведение».

- Вы приехали с охраной? – глухо прозвучал на пленке его голос.
- Лозинский оценил этот жест.
- У меня нет охраны, – спокойно сказал он.
 - Вы действительно никого не боитесь?
 - До вчерашнего дня так и было.
 - Кому же нужно было убивать вашу тещу?
 - Надо полагать, никому.
 - То есть хотели убить не ее, а вас? Лозинского Виктора Эммануиловича?
 - Это вы сказали, а не я, – подчеркнул Лозинский.
 - Но вы-то сами ее не убивали?
 - Шутите?
 - Да.
 - Потрясающее чувство юмора. Не теряйте его, – посоветовал Лозинский.

Грязнову вдруг захотелось послать все к чертовой матери.

– Хорошо бы сейчас в лес, – неожиданно сказал он. – Завтра рвану-таки на охоту, решено. В Яковлевский лес!

– Вы не про Калужский, случайно, говорите? – поинтересовался Лозинский. – Ну надо же какое совпадение, я тоже люблю там постреливать!

– А вы любите рыбалку? Знаете что, если хотели прикончить именно вас, то, вполне возможно, попробуют снова. Возможно, даже тем же способом. Чем черт не шутит? Мой вам дружеский совет – устраивайте побольше банкетов. Авось тогда они себя обнаружат. Мы будем ловить гадов на живца, вот как мы сделаем, – подытожил Грязнов.

Лозинский слегка нахмурился. От этого движения шрам на лбу немного побагровел и резче выделился на загорелом лице.

– Значит, надо полагать, вы хотите просто подождать, пока меня прикончат? – переформулировал он.

– У меня в уме это выглядело гораздо лучше, – признался врио начальника МУРа. – Стройнее и гармоничнее, я бы сказал.

– И вы можете оставаться настолько безучастны?! А как же профессиональный долг и все такое?

– Послушайте, господин Ротшильд! У нас солидная организация, – вдруг зарычал Грязнов, стукнув кулаком по столу. – Разве вас не предупреждали там, наверху, когда вы обращались за помощью?! Мы торопимся лишь тогда, когда прячем за собой какое-нибудь дерьмо!

Лозинский опешил. Грязнов довольно улыбнулся:

– Я репетировал роль начальника. Ну как, ничего получается?

– Знаете... Для дополнительного эффекта я бы посоветовал использовать высокие лакированные сапоги, хлыст и немецкий акцент...

– Скажите откровенно, Виктор Эммануилович, в чем дело? Отметим в сторону родственные чувства, они тут ни при чем. Ведь вы чрезмерно для невиновного человека обеспокоены этим делом.

– В свое время, когда наши доблестные компетентные органы относились к частному капиталу и предпринимательству, мягко говоря, предвзято, я, подстраховываясь, оформил на тещу некоторое имущество. Это, надо полагать, все объясняет, не правда ли?

– А конкретно, что вы на нее оформили? Облегчите душу, – посоветовал Грязнов. – Вы разве не знаете, что невысказанные мысли плохо влияют на простату?!

Лозинский вздохнул:

– Небольшой дом за городом.

– Действительно небольшой? – невинно поинтересовался Грязнов.

– Да, такой скромный особнячок.

– И все?

– Еще... несколько участков земли. Буквально пару штук.

– И где же именно?

– Да так, знаете ли, там и сям... А вы уже установили причину смерти моей тещи?

Грязнов подвинул к нему раскрытую папку:

– Вот акт судебно-медицинской экспертизы.

– Что-то не хочется читать. Не расскажете сами, буквально в двух словах?

– В составе алкоголя, обнаруженного в крови, оказался древесный спирт. Вы видели покойную в тот момент, когда ей стало плохо?

– Скорее, слышал. Когда проводили последних гостей, мой ребенок вдруг проснулся и закапризничал, две недели в месяц он живет... жил... проводил у бабушки. Теща, надо полагать, была изрядно навеселе. Она стала читать внуку «Трех поросят» и хрюкала так, что не выдержала аорта. О чем, кстати, моя жена не раз ее предупреждала.

– Почему же она не ходила к врачу? – искренне удивился Грязнов.

Лозинский махнул рукой:

– Проще было уговорить нашу кошку самостоятельно сбегать к ветеринару.

– А еще говорят, что женщины живут дольше мужчин.

– Я читал, что полторы сотни лет назад средняя продолжительность женской жизни была тридцать пять лет, – откликнулся Лозинский. – Так что...

– Так что она пережила свое? Вы это хотите сказать? Сколько было гостей на дне рождения?

– Надо полагать, человек пятнадцать. И между прочим это были гости тещи: праздновался только ее день рождения. Моя жена в этот раз ничего не отмечала. Она только вернулась с соревнований где-то в Германии. Упала там, подвернула ногу и была зла на весь белый свет.

– Припомните хорошенько. Среди гостей был кто-то новый, прежде не знакомый вам?

– По-моему, добрая половина.

– И как эти люди к вам попали?

– Их привела другая половина. Те, что знакомы. Я, собственно, всего этого действия не видел, потому что появился только к финалу. Во дворе ее дома стояли четыре машины такси. Жена вызвала для гостей. Я как раз только приехал, поздно закончилось совещание на правлении банка. Было далеко за полночь.

– По показаниям вашей жены и других свидетелей – в час двадцать пять.

– Значит, так и было, – кивнул Лозинский. – Надо полагать, к этому времени все спиртное в доме закончилось. Все уже разъезжались по домам. Но шло бесконечное прощание в прихожей и на лестничной клетке. Как водится, родилось предложение опрокинуть на посощок. Кто-то из гостей сбегал в ближайший ларек и купил бутылку.

– Кто именно и в какой ларек? Это же ваше спасение, вы понимаете?

Лозинский пожал плечами:

– Возле дома ларьков десятка полтора. Но можно проверить, какой из них в это время работал. И по бутылке определить, в конце концов...

– Это уже сделали. Точно такой водки, – Грязнов заглянул в папку, – «Граф Орлановф Игорь Александрович»... хм, надо же, никогда не пробовал... нигде обнаружено не было.

Лозинский открыл рот и... ничего не сказал. Тонкая верхняя губа приподнималась, обнажая жемчужную нитку зубов. И собеседник, готовый было что-то услышать и сбитый с толку этим молчанием, поданным как самостоятельная реплика, сам уже торопился вступить в разговор, причем сказать что-то непременно приятное, остроумное. А Виктор Эммануилович Лозинский кивал и одобрительно смеялся. Позже Грязнов узнал, что знаменитое улыбочное молчание Лозинского называют его золотым фондом и стартовым капиталом. Но сейчас он с трудом подавил противное желание приятно пошутить и, незаметно включив в столе магнитофон, начал разговор подчеркнуто резко и сухо. Ах ты, Карнеги хренов.

– ...Но дело даже не в этом, – неохотно продолжил он. – Насколько я понимаю, «стремennую» пила не одна ваша теща? И другие ведь тоже?

– Что, простите, она делала? – удивился Лозинский.

– Ну «стремennую» же! – объяснил Грязнов. – То есть «на ход ноги», «на посошок», «подкаблучную» опрокидывала не одна она?

– А... Ну конечно.

– А вы?

– Я – нет.

– Вы что, вообще не пьете? – подозрительно спросил Грязнов.

– А это запрещено? – спросил Лозинский. – Я в любой момент могу начать.

– Так почему же остальные живы, а ваша теща – не совсем?! – Грязнов с победоносным видом откинулся на спинку кресла и с хрустом размял пальцы.

– Мне кажется... – пробормотал Лозинский, – надо полагать, именно это вы и должны выяснить в первую очередь... А может... может, это сделали марсиане? – неожиданно предположил он.

– Марсиане?! – оторопел Грязнов.

– Ну да, – оживился Лозинский, внимательно, однако, глядя на человека, которого ему рекомендовали как лучшего сыщика Москвы и области. – Ну да, надо полагать, марсиане. Это на них здорово похоже! Стругацких читали? У них там какая-то сверхпродвинутая цивилизация запросто укрощала земных ученых, когда те в своих исследованиях затрагивали их интересы. Только делали они это на редкость бестолково. Ну, скажем, сидит себе человек дома, работает спокойно. И вдруг – бац! Во дворе из-под земли здоровенное дерево выскакивает! Ученый выглянул в окно и обомлел. Потому что понял – этот «прыщ» должен был вскочить у него под задницей! То есть инопланетяне элементарно промахнулись. Вы понимаете?

– Не совсем...

– Ну как же объяснить... Когда вы бьете комара, вы часто бьете мимо, просто мажете, сотрясаете атмосферу, так? И кстати, в это время он уже может находиться на расстоянии в пятьдесят два миллиарда парсеков, сравнительно с его собственными размерами, но в то же время – совсем рядом с вашей рукой, этим ужасным, гигантским, с его точки зрения, орудием возмездия. А представляете, с какой силой вы разрубаете воздух?! Ее, этой силы, может быть, хватит...

– ...чтобы одновременно прикончить всех насекомых в Бабушкинском районе, – закончил за него Грязнов.

– Почему именно в Бабушкинском? – заинтересовался Лозинский.

– Я там живу. Давайте, отмечу ваш пропуск...

Что же он имел в виду? Убивая дома таракана, я действительно в этот удар вкладываю силу, в миллион раз, пусть даже в пятьдесят два миллиона превышающую минимально необходимую. (И кстати, ведь ничего не могу с этим поделать!) Если целили в Лозинского (а смешно даже предположить, что кому-то мешала заурядная «детская» тренерша по фигурному катанию), то возможны два варианта. Недостаточно резко наведенный прицел, как у «марсиан», либо совсем наоборот – плановая обработка пространства вокруг банкира. Как превентивные точечные удары. Вроде бомбежки баз чеченских террористов... Чушь какая-то... Почему я делаю работу следователя, а не свою собственную? Почему, допустим, не Турецкий занимается этим делом? А хорошо бы сейчас в лес... «Надо полагать!». Тьфу ты...

Как только Лозинский ушел, Грязнов немедленно набрал номер Турецкого:

– Слышишь, Сашка, представь себе, что ты бьешь комара. И промахиваешься... Представляешь?

– Извини. Честно говоря, – сознался Турецкий, – я не бью комаров. У нас по всему дому Ирка понатыкала в розетки «Фумитокс».

КАТЯ МАСЛЕННИКОВА

8 февраля, утро

Сквозь сон она почувствовала, как на лоб и ресницы падает что-то прохладное и пушистое, что через мгновение превращается в маленькие капельки. Она увидела себя на берегу океана. Бриз доносит к ней брызги прибоя. Из воды манит ее к себе смеющийся Эльдар, а ветер, почему-то обжигаяще холодный, шевелит ее прическу.

Катя попыталась спрятаться поглубже под одеяло, но капельки теперь катились по ее волосам. Она приоткрыла глаза.

Эльдар стоял у кровати и посыпал ее... снегом. Через открытое настежь окно в комнату врвался промозглый ветер и привычный шум утренних московских улиц.

– Вставай, красавица, проснись. Открывай давай сомкнуты негой взоры. – Он чмокнул ее в ухо и стер капельки со щеки.

– Отстань, злодей. – Катя швырнула в него тапком. Эльдар ловко увернулся и, схватив с подоконника приготовленный заранее снежок, запустил им в Катю. Она ответила вторым тапком, потом подушкой, еще подушкой, книгой, пультом от телевизора, и, когда под рукой уже не осталось ничего, кроме жутко дорогого и легко бьющегося ночника, перестрелка прекратилась и наступило перемирие.

О том, чтобы поваляться еще немного в постели, не могло быть и речи, ибо Эльдар оказался гораздо более метким и красные шелковые простыни сплошь побагровели от влаги.

– Откуда снег? – Катя выскочила из-под одеяла и с наслаждением закуталась в, слава богу, сухой еще халат.

– Дык с неба, вестимо. – Эльдар стоял у окна босиком в одних плавках. Высокий, мускулистый, поджарый, классический последний герой боевика, только «рожей не вышел» – лицо было типично русское. И на этом типично русском лице играла широкая, открытая, ехидная улыбка.

– Назаров! Наддай солидности. Сорок лет человеку, а ведешь себя как мальчишка, – фыркнула Катя.

– Эх, наша юность боевая, Сталин нашей юности полет, – мягким баритоном пропел Эльдар, прижав руку к сердцу.

Катю передернуло:

– Не произноси при мне этого слова.

– Какого? «Сталин»?

– Нет, «юность».

Для нее слово «юность» теперь ассоциировалось отнюдь не с состоянием души и даже не с возрастом. «Юность» – это фирма, и этой фирме должно срочно вернуть кредит.

Мысль о том, что кредит необходимо возвращать, а денег нет, как будто часовой дежурила у ее кровати каждую ночь и в момент пробуждения набрасывалась на нее с возрастающей день ото дня силой. Правда, кредиторы пока что не напоминали о себе. Но надеяться на то, что о ней забыли, вряд ли приходится. Кредиторы – они и в Африке кредиторы, а уж в Москве – они кредиторы втройне.

– Катюш, все у тебя получится. – Эльдар обнял ее за плечи и поцеловал еще мокрые от снега волосы. Дал Бог день – даст Бог и деньги.

– Твоими бы устами... – Катя осторожно освободилась из его объятий и убежала в ванную.

Она и сама прекрасно понимала, что неразрешимых проблем не существует. Есть только люди, не умеющие их решать. Себя она к их числу причислять не желала. В свои двадцать

шесть лет Масленникова уже многого добилась от жизни и не собиралась останавливаться на достигнутом. Катя владела небольшим ресторанчиком на Арбате. Рестораном, в котором можно вкусно поесть под хорошую музыку. Конечно, в ближайшие годы ей не грозило причисление к первой десятке столичных нуворишей, но на обеспечение независимости и в жизни, и в бизнесе пока хватало.

– Дорогая моя Катерина Ивановна, а не махнуть ли нам за город? Последний снег все-таки, – мечтательно спросил Эльдар через дверь.

– У меня работа, – безапелляционно заявила Катя, выходя из ванной и на ходу вытирая волосы. – И потом, откуда тебе знать, последний это снег или нет. Это тебе, жрецу искусства, лишь бы побездельничать. А у меня работа.

– Ошибаешься. Жрецы как раз у тебя в ресторане и засели. Только и делают, что жрут, а когда не жрут, то кушают. А я – художник нот... и рыцарь слова. И в данный момент остро нуждаюсь в энергетике лесов, полей и рек. Короче, поехали. Никуда твоя работа не денется.

– Не могу.

– Но хочешь же. По глазам вижу, хочешь. Поехали.

– Нет.

– Поехали.

– Нет.

– А я говорю, да! – Эльдар завалил Катю на кровать и обрушился сверху. – На работу все равно не пушут. Давай хоть в поля съездим.

Катя некоторое время посопротивлялась, скорее для виду. Мысль выбраться на природу была довольно заманчивой. Она бросила взгляд на запыленное пианино, которое почти в идеально чистой квартире выглядело анклавом городской свалки, и сказала:

– Да...

Толщина слоя пыли на пианино строго зависела от отношений Кати к текущему спутнику жизни. Каждая обида и крупная ссора обычно выливалась в то, что Катя садилась за инструмент и играла один отрывок из сборника сонат Бетховена. Сонат в книжке было двенадцать. С последними аккордами последнего произведения великого немецкого композитора любовная связь обрывалась.

С Эльдаром они уже год вместе, а сыграна только вторая соната.

Он ворвался в ее жизнь совершенно неожиданно. Увидел на улице и пошел следом, по дороге скупил у какого-то кавказца целое ведро гвоздик и, догнав Катю, встал перед ней на одно колено прямо на снег:

– Девушка, позвольте подарить вам скромный букет, от чистого сердца.

А потом пригласил в ресторан. В ее собственный ресторан, о чем ничуть не подозревал, и они сидели за столиком, он держал ее руки в своих, а ее официанты и повара по очереди выглядывали из кухни посмотреть на нового ухажера хозяйки. Он оказался певцом, а Катя как раз подыскивала себе музыкантов для вечерней программы, и он скромно предложил свои услуги.

Пел он, правда, неплохо. Шансон, немного лагерной тоски, но ничего вульгарного. В общем, публика была в восторге. После закрытия они выпивали по бокалу шампанского и съедали свой не то завтрак, не то ужин.

А потом он перевез свой немногочисленный скарб в эту квартиру на проспекте Мира. И Катя получила возможность слушать его пение в любое время суток.

– ...Но позвонить на работу я должна. – Она попыталась высвободиться.

С довольной ухмылкой на лице, лишь чуть-чуть привстав, Эльдар подал ей трубку. И Кате ничего другого не оставалось, как разговаривать со своим управляющим, лежа на сырой кровати.

– Соснин слушает. – Юра Соснин был, как всегда, безукоризненно вежлив.

– Здравствуй, Юрочка. Масленникова. Я буду попозже.

– Понял, – Соснин не стал задавать лишних вопросов, видимо отчетливо слыша в трубке чужое сопение.

– Нужно съездить к Гараняну, переговорить о поставках кьянти. Он в прошлый раз обещал мне новый договор и пятипроцентную скидку как постоянному клиенту. Особая вежливость ему противопоказана – он скряга и хам. Будешь его развязно любить с порога, брызгать слюной и поздравлять с переходом наших отношений на качественно новый уровень. Главное, не дать пойти на попятную. Вопросы есть?

– Катя, я нашел покупателя на наши машины и взамен подходящий небольшой фургон в аренду, но нужно решать поскорее. Тебя это устраивает?

– Я подумаю. – Катя снова вспомнила о долге и поморщилась: дай бог, чтобы денег, которые дадут за микроавтобусы, хватило на покрытие процентов.

– Тогда у меня все.

– Я рассчитываю на тебя. – Катя нажала отбой и добавила: – Мальчик мой.

– Знаешь, а я передумал. – Эльдар просто светился от удовольствия. – Что мы там за городом не видели? Грязь, слякоть. Снег наверняка растаял. По-моему, нам и тут хорошо.

– Вот хам, а? Завалил девушку в лужу и еще философствует.

Эльдар долгим поцелуем оборвал поток недовольства в свой адрес.

– Не шуми... – шепнул он ей на ухо и устроился рядом на мокром ложе.

– Ты еще плохо представляешь себе, что такое шум...

И в этот момент, как бы иллюстрируя, что же такое есть шум на самом деле, входная дверь с грохотом распахнулась и в квартиру ввалились трое здоровенных жлобов в кожанках и... с бейсбольными битами.

Катя происходила из семьи потомственных юристов, ее дед был судьей, отец был судьей, мать была адвокатом. Но мама умерла при родах, и отец не мог надышаться на единственную дочурку, потакал ей во всем и в результате, когда она заявила, что юристом быть не хочет, настаивать не стал. В итоге она поступила в финансовый институт и после второго курса окончательно утвердилась во мнении, что взгляды на жизнь у нее с отцом диаметрально противоположны. На самом деле Катя выяснила это еще подростком, хотя Иван Сергеевич внушал взрослеющей дочери уважение. Родитель умел добиваться своей цели, сохраняя при этом незыблемой суровую «правильность», как называла ее Катя. Он безусловно заслуживал почтения, но так жить было нельзя. И само собой, в девятнадцать лет она начала жить не так.

«Не так» заключалось в переводе на заочное отделение и вступлении на тернистый путь бизнеса по-русски. Первым спутником-поводырем был Виктор или Витюля, как его звали еще в детском саду и, наверное, напишут на гробовой доске. Они учились на одном курсе, но Витюля, отслуживший в армии, как тогда казалось Кате, был гораздо опытнее. Витюлин папаша подвизался на должности зампреда райисполкома и был вовсе не из породы большевиков-ленинцев с кристальной совестью и пустыми карманами. С легкой руки папаши и начался их с Витюлей совместный бизнес. Занялись торговлей компьютерами. Почему выбор пал именно на компьютеры, для Кати осталось загадкой. Но папаша сказал: именно это сегодня самое актуальное – и уладил в лучшем виде все формальные и неформальные нюансы. Он же обеспечил первые заказы. Дело сдвинулось с мертвой точки.

Кате, как любимой женщине генерального директора Витюли, отводилась в этом деле двойная роль: лица фирмы и офицера для особо важных поручений. С лицом проблем не возникало с самого начала. Зато возникали с отцом. Катин родитель к тому моменту работал в Бауманском районном суде, имел безупречную репутацию, и ему прочили блестящую карьеру, по меньшей мере не последнее место в Верховном суде. Он считал, что посредническая деятельность, на деле являющаяся обыкновенной спекуляцией, – неудачный выбор для молодой неглупой девушки.

Тогда в знак протеста они с Витюлей сняли квартиру.

Рамки первой леди фирмы она переросла примерно за год. В универмаге «Московский», рядом с отделом компьютерных игр, открытым их конторой, арендовала уже сама некоторое количество квадратных метров для торговли мягкими детскими игрушками. Средства теперь позволяли. Вскоре они позволили обзавестись торговыми точками в Конькове и еще одним – в универмаге. Потом еще, еще и еще. И открыть свою фирму. И наконец, купить собственную квартиру. И кстати, вовремя: ее верный партнер стал тяготиться моногамией.

В это время в поле зрения появился ресторан. Он стяжал более чем дурную славу. За год потерял двух владельцев убитыми, третьего – осужденным за незаконное хранение оружия и нанесение телесных повреждений средней тяжести. Историю ресторана Кате назидательно поведал отец, пытаясь отговорить ее от рискованного шага.

В это время последний хозяин злачного заведения был так оскорблен нелестным отзывом арбатско-уличного скрипача, по ошибке заглянувшего перекусить, о достоинствах ресторанного оркестра, что, желая восстановить поруганную честь, немедленно достал пистолет (на который, надо отдать ему должное, имел-таки разрешение) и прицельно ранил недоброжелателя в мягкие ткани. Прибывший через два часа усиленный наряд милиции с удивлением обнаружил только упившегося в стельку владельца заведения, пострадавший же мистическим образом исчез. Арбатские сплетники утверждали, что у музыканта усохло простреленное причинное место и скрипач вынужден был прибегнуть к услугам пластического хирурга, пересадившего соответствующие ткани с живота туда, где они оказались нужнее.

Завсегдатаи утратили интерес к ресторану и переехали в другой, лучше отвечающий их высоким требованиям к солидности и отсутствию «атаса». Персонал бесследно исчез. Катя сообразила: момент ковать железо наступил. Но в одиночку ей не поднять ресторан с нуля. Пришлось преодолеть прогрессирующую неприязнь к давешнему любимому. Он согласился вложить сорок процентов, но утруждать себя проникновением в детали отказался, его это больше не интересовало – не тот масштаб. От него это и не требовалось. Через восемь месяцев Катя, к обоюдному удовольствию, выкупила его долю. С тех пор они не виделись. Опять-таки к общему удовлетворению. Ресторан – целиком ее заслуга. Без соавторов. Конечно, с помощниками, но главная – она, и только она, безоговорочно.

Дела шли неплохо, дурная репутация этого местечка постепенно забылась. Однажды и отец пришел сюда, сел за столик в уголке и заказал скромную чашку кофе. Сидел, потягивал горячую ароматную жидкость, осматривался, а потом заглянул к Кате в кабинет.

– Знаешь, а мне нравится. Хорошо у тебя.

...Кредит ей понадобился для расширения. За стенкой прозябал магазинчик, выходивший в проулок. Катя давно положила на него глаз, и существовал даже принципиальный договор о его покупке в середине следующего года. Но накануне последнего аккорда народных гуляний, посвященных 850-летию столицы, владелец вожаемой площади вечером зашел к Кате. Она распоряжалась на кухне, зал был переполнен, официанты валились с ног от усталости. Сосед схватил ее за руку и заорал на ухо, пытаясь перекрыть шум на кухне: «Или завтра, или никогда! Ни дня я здесь больше не останусь». Видимо, что-то сильно обидело человека. Или кто-то. Или просто надоела ему эта страна.

Из никогда и завтра она, разумеется, выбрала завтра.

Но необходимых двухсот тысяч наличными у нее не было. Недостающие восемьдесят сроком на три месяца под двадцать пять процентов предоставил Катин знакомый, Яков Бенедиктович, семидесятилетний крепыш славянской наружности, но исключительно национальной предприимчивости и хода мыслей. Всю жизнь он искал занятие, к которому лежала бы душа, но удавалось пристроить только тело. Учитывая последнее увлечение, привлекавшее его деятельную натуру – оптовую торговлю итальянскими винами, Яков Бенедиктович нашел в Катином предложении свой интерес. В счет частичного погашения долга они договорились в

октябре провести в ее ресторане шикарную презентацию. Она предполагала три дня дегустации «Cianti», «Barolo» и «Pino Grigio del Veneto», а потом шикарный банкет для иностранных партнеров. Все вместе тянуло на сорок тысяч долларов. Условия кредита Катя сочла не благотворительными, но льготными. В частности, при взаимном согласии сторон она имела право на месячную отсрочку с минимальным увеличением процента.

Яков Бенедиктович скончался от инфаркта через три недели после заключения сделки в своем рабочем кабинете. Сгорел на работе. После ряда хитроумных превращений его фирма со всеми потрохами, и Катиним долгом среди них, отошла к АОО «Юность». Соглашение о проведении презентации было расторгнуто, и Катя оказалась в чрезвычайно сложной ситуации.

Двое громил по стойке «смирно» с битами наперевес встали по обе стороны двери в спальню, а третий отправился осматривать квартиру. Все делалось молча, медленно и со значением. Катя посильнее запахла халатик и так и осталась сидеть на постели. Эльдар медленно поднялся.

– Ну, привет, пацаны. У вас проблемы? Трудности? Плановая облава? Кто-то хочет пригласить меня спеть для своей крутой тусовки?

«Пацаны» не реагировали.

– Может, вы квартиру перепутали? – Он направился к двери, но блондинистый парень с расплюснутым носом и чрезвычайно близко посаженными васильковыми глазами жестом остановил его.

В этот момент в спальню легкой уверенной походкой вошел худощавый, довольно высокий мужчина. Не торопясь снял пальто и аккуратно уложил его на стул. Черный костюм элегантного покроя сидел на нем безукоризненно, правда, слева под мышкой бросалась в глаза небольшая выпуклость, причиной которой являлась наплечная кобура. Его туалет не содержал цепей и перстней – неотъемлемой части имиджа определенной части «новых русских», но золотые запонки и золотая же булавка, удерживающая умопомрачительный, ручной работы галстук, свидетельствовали о высоком и постоянном доходе. В длинных тонких пальцах с холеными ногтями прищелец держал сигарету. Лицо его изобиловало морщинами (хотя лет ему было не более сорока) и выражало полное превосходство над окружающими.

Он слегка, как давней знакомой, кивнул Кате, а Эльдара не удостоил и взглядом. Делавший обход прыщавый «пацан» без печати интеллекта на лице почтительно доложил:

– Все чисто, шеф. Мы одни.

– Спасибо, Иван. – Шеф жестом позволил своим людям расслабиться, и двое у двери приняли стойку «вольно», то есть позволили себе опереться о косяк и опустить биты.

– Послушайте, кто вы такой и что вам здесь нужно? Кто дал вам право вламываться в мою квартиру?

– Позвольте представиться. Кротков, директор небезызвестной вам фирмы «Юность». Причем, знаете, что интересно – это мое настоящее имя. Ехал мимо, дай, думаю, загляну, поинтересуюсь, как там мои финансы себя чувствуют. – Он поискал глазами пепельницу и, не найдя, сбросил пепел прямо на запыленную крышку пианино. – Если не ошибаюсь, сегодня истекает срок нашего договора, и, чтобы избавить вас от необходимости лично тащиться через всю Москву с такими деньгами (неспокойно нынче на Москве, знаете ли), вот заехал лично.

– Но мы же договорились о недельной отсрочке... – начала Катя. Она действительно разговаривала с человеком, который занял место Якова Бенедиктовича, и он согласился на ее условия.

– Договариваться надо было со мной. Лично. Я, Екатерина Ивановна, предпочитаю очные беседы, лицом к лицу, так сказать. И поскольку договор у вас состоялся неизвестно с кем, считаю себя вправе считать его недействительным.

– У меня нет сейчас таких денег...

– Вы это серьезно? – Кротков язвительно усмехнулся. – Что, вообще ни капельки?

– Я смогу вернуть вам деньги только через неделю. – Катя чувствовала себя неловко полуодетой в присутствии посторонних мужчин.

– Разве я когда-нибудь где-нибудь говорил, что занимаюсь благотворительностью? – Кротков обернулся к «пацанам» у двери, те синхронно покачали головами из стороны в сторону. – Я не меценат, госпожа Масленникова, поэтому я готов обсуждать отсрочку, только имея в виду тройную процентную ставку за каждый лишний день. Впрочем, возможно, часть этой дополнительной суммы я соглашусь взять натурой...

Эльдар рванулся вперед. Скользящим ударом правой он сбил с ног прыщавого и безынтеллектуального Ивана, а левой схватил за волосы Кроткова и рванул назад.

– Будь скромней! – И, прежде чем «пацаны» у двери успели среагировать, он нанес пару коротких точных ударов в нос непрошеного гостя. Но уже через несколько секунд Эльдар был плотно зажат в цепких стальных объятиях громил. Причем «пацаны» сохраняли удивительное хладнокровие. Они не бросились избивать обидчика своего шефа, просто стояли с бесстрастными лицами и спокойно ждали дальнейших указаний. Эльдар тихо ругался. Кротков, запрокинув голову, вытер с подбородка струйки крови и осторожно пощупал переносицу. Провинившийся Иван слетал на кухню и, судя по звукам, разгромив половину холодильника, притащил тарелку колотого льда.

– Успокойте этого Шаляпина. – Кротков выбрал льдинку побольше и приложил к переносице. Профессиональным движением заклеив Эльдару рот, парни скотчем припеленали его к стулу и стали по обе стороны, поигрывая дубинками.

– Вы, Екатерина Ивановна, наверняка наслышаны, как поступают наши банкиры, когда им не возвращают кредит? Ждут день-два и зовут мафию. А мы вот никого звать не будем. – Голос Кроткова звучал до отворачивания проникновенно. – Я и есть мафия.

Ему удалось, наконец, остановить кровотечение.

– Сеня, объясни девушке популярно, что с ней будет, если кто-то посмеет прикарманить мои кровно заработанные денежки, которые я по доброте душевной от чистого, можно сказать, сердца оторвал от себя, радея о ее благе.

– А что... – Парень с расплюснутым носом и васильковыми глазами улыбнулся и даже порозовел от гордости за то, что ему дали слово. – Засадим маслину в башку, и все дела.

– Если вдруг вы не в курсе, рассказываю: маслина в башке – это смертельно. Сеня, развлеки пока нашего неуравновешенного друга. Мы с дамой побеседуем тет-а-тет. – Кротков схватил Катю за руку и бесцеремонно поволок в соседнюю комнату.

Катя не разделяла взглядов Иосифа Бродского, говорившего, что мир был создан для мебели, и потому мебели в ее гостиной было немного – мягкий уголок, огромный светлый ковер с геометрическим рисунком, телевизор и музыкальный центр. Это была гостиная человека, который любит простор и свободу.

Кротков с приветливой улыбкой плюхнулся на диван, не забыв при этом расстегнуть пуговицу пиджака. Катя присела напротив.

– Значит, так. Ты будешь хорошей девочкой, и я забуду о неучтивости твоего друга, договорились? – Он встал, застегнулся и прошелся по комнате. Снова расстегнулся и присел рядом. – Ты же будешь со мной ласкова?

Катя отрицательно покачала головой.

Его приветливая улыбка тут же превратилась в холодную гримасу. Кротков поднялся, снова не преминув застегнуться, взял Катю за подбородок и, наклонившись, посмотрел ей в глаза.

– Ты понимаешь, что я могу сейчас раздеть тебя, трахнуть во все отверстия, потом пойти попить кофейку, вернуться и проделать то же самое еще сорок восемь раз? И никто мне слова плохого не скажет. – Он опять-таки расстегнулся и сел. Катю словно приковала к себе эта проклятая пуговица, она не могла думать ни о чем другом.

– Ну что ты смотришь на меня, как рыба на водолаза? – Кротков медленно впадал в бешенство. Спокойствие Кати его раздражало. Он вскочил и ударил Катю по лицу. Пуговица осталась расстегнутой. Катя улыбнулась, не почувствовав боли.

– Значит, так, у тебя есть пять дней на решение этой проблемы. А чтобы появился дополнительный стимул, мы захватим твоего дружка с собой. Если не успеешь, получишь в подарок пальчик своего Шаляпина, потом его талантливый язычок, потом голову, потом мы спалим к чертовой бабушке твой ресторан, а потом займемся тобой лично. – Кротков стремительно вышел из комнаты, так и не вспомнив о пуговице.

Катя осталась сидеть, уронив голову на руки. За стеной «пацаны» отдирали от стула мычащего Эльдара, он сопротивлялся, и его, в конце концов, просто вынесли из квартиры. Затем хлопнула входная дверь, и все стихло.

Катя бросилась к окну. Эльдара запикивали в темно-серый «БМВ». Номер! Нужно запомнить номер... Но клубы дыма из выхлопной трубы скрыли от нее и без того заляпанный грязью задний номерной знак. Катя в сердцах ударила кулаком ни в чем не повинный подоконник. Единственная деталь, по которой она могла бы отличить машину Кроткова и компании в автомобильном потоке, – это заднее стекло, покрытое сеточкой трещин. Да мало ли разбитых стекол в Москве...

Катя оглядела комнату. На пыльной поверхности пианино кто-то пальцем написал «5 дней».

ГРЯЗНОВ

13 февраля, вечер

Грязнов развернул свою «Ниву» цвета нечистой морской волны и в очередной раз подумал, стоит или нет главному сыщику столицы мыть свою старенькую машину. Тачку. Тачилу. А? Это «А?» он перенял у одного мексиканского пастуха, научившего его многим занимательным штуковинам. Грязнов любил проводить свой отпуск в экзотической местности, и последние полгода он был влюблен в Мексику.

Он возвращался с Варварки ни с чем. Знаменитый разрекламированный магазин «Кольчуга» «только для настоящих мужчин» на поверку оказался жидковат. А так или иначе нужно было срочно обзаводиться новым ружьем для предстоящего удовольствия для настоящего мужчины. (А зануда, хотя и лучший друг, Турецкий ничего в этом суровом деле не понимает.) Старенький, но верный винчестер переехал на своем джипе не слишком трезвый компаньон по давешней охоте. Собственно, срочных дел больше-то и не было, если не считать проблемы с банкиром Лозинским. Что-то подсказывало Грязнову (наверное, чудовищный опыт, что же еще?), что это дельце – крохотное начало грядущих гигантских неприятностей. Какого лешего пусть запутанное, но вполне «гражданское» дело вешают на уголовный розыск?!

Кстати о леших. Тем более в преддверии грядущих проблем грех было отказываться от заманчивого предложения, полученного от хорошего знакомого, егеря Мишки Колчанова. На самом деле Колчанова звали Мефодием, но это дела не меняло.

Тут Грязнов спохватился. Конечно, надо было позвонить Мишке! Только не Колчанову (тот на своей заимке никаких средств связи не признает), а Зельдовичу, тоже яростному и блестящему охотнику, а в быту – скромному начальнику отдела вооружений и средств активной обороны МВД России, ведь именно он-то и переехал грязновскую винтовку своим трактором. Черт возьми! Когда ты дотягиваешь до такого возраста, что твои однокашники становятся большими перцами в самых разных отраслях родного ментовского дела, то начинаешь изредка предполагать, что многие вещи имеют смысл. Не все так плохо, как хотелось бы!

Грязнов вытащил из бардачка мобильник «Ericsson» (подарок племянника Дениса) и набрал номер Зельдовича. И тот – удивительное дело! – через пятнадцать гудков включил-таки свой «Ericsson» (Грязнов хорошо помнил, что их аппараты, как партия и Ленин – близнецы-братья).

– Здорово Славка! – с ходу брякнул Зельдович. – Как я догадался? Только один человек может так трезвонить, одновременно судорожно защищаясь от определителя номера.

– Мой телефон – 795-17-11, – хмуро продиктовал Грязнов.

– Да помню я, – отмахнулся Зельдович. – Ну и что?

– Ничего. «Кольчугу» знаешь на Варварке?

– Дерьмо. Пустой магазин. Поезжай лучше на Галушкина, если ищешь винтовку. Знаю, знаю, это будет за мой счет! Там по нечетной стороне, где-то после Ярославской улицы, в торце девятиэтажки, в подвале есть такой скромненький магазинчик, не помню, как называется...

– Где?! – поразился Грязнов. – На ВДНХ?! Я же там живу рядом, на Енисейской улице! Да нету там ни черта.

– Поезжай, поезжай, заодно получишь узнать родные края.

Грязнов кинул «Ericsson» обратно в бардачок и, не доезжая до родного дома, свернул как раз направо, проехал с тыла гостиницы «Космос», еще раз свернул направо – на улицу Бориса Галушкина и стал методично прочесывать следующий квартал... Так, магазин стройматериалов, комиссионка, булочная, швейная мастерская, ага, нечетные дома – слева... детский сад... Странно, что Зельдович не запомнил название магазина, это совсем не его стиль.

Вот ведь жизнь дурацкая настала с этими мобильными телефонами и прочими ультрамодными средствами связи. С другой стороны, конечно, милиция и раньше этим не была обижена, но все равно, в случае необходимой консультации, по личному ли поводу, по государственному, ты брал ноги в руки и ехал общаться с человеком лично. А это, извините, как говаривал знакомый зек по кличке Боцман, совсем другой коленкор... Цветочный магазин... прачечная... стоп! Э-э-э... гм... хм... да-ааа...

Грязнов буквально оторопел. Похлопал глазами. И расхохотался. В торце девятиэтажки на цокольном уровне красовалась вывеска скромного магазинчика «Не Помню Как Называется». Именно так и сказал, как всегда точный, Зельдович.

Матерый продавец с родимым пятном на шее вежливо, но равнодушно глянул его разрешение на приобретение огнестрельного оружия, и всего за три минуты Грязнов стал обладателем нового карабина «Центрион». После чего проверял его еще минут сорок. И с этим ничего нельзя было поделать: он всегда сперва приобретал барахло, а уж затем, при эксплуатации, выяснял, что оно никуда не годится. Эта незаурядная привычка, по словам Сашки Турецкого, где-нибудь на Западе считалась бы респектабельной приметой солидного человека, но в условиях совка, постсовка и постпостсовка выглядела форменным разгильдяйством.

– У вас не будет десяти тысяч, то есть червонца? – чисто по-советски попросил продавец с родимым пятном на шее. – У меня нет сдачи. Давайте мне червончик, а я вам пятерку, ага?

Грязнов махнул рукой, что было еще одним форменным разгильдяйством, – не мог он позволить при своей зарплате швыряться пятерками. С другой стороны, не мог он позволить себе и покупать новые винчестеры. Однако же.

Интерьер заведения отличался, пожалуй, только отсутствием непереносимой репродукции «Охотников на привале». Но хозяин этого магазинчика знал толк в оружии. Грязнов невольно засмотрелся на витрину с номерными охотничьими ножами. Рядом лежали знакомые ему ножи: стандартный «Самсонов-93» с глубоким «кровостоком», кривоватый нескладной нож «Тигр» с готической гравировкой оскаленного хищника на широком зеркальном лезвии; орнаментальные «Русский Север» и «Сапсан» и бесспорный немецкий фаворит «Zolingen» за двести баксов, и впечатляющий «King-2», и конечно же популярная «Аляска» с пустой металлической ручкой и завинчивающимся тыльником, для хранения набора для выживания, – всего навсего за семьдесят грин, выражаясь финансовым сленгом племянника Дениса. Пижонская вещь. Увлечение такими мальчишескими в общем-то игрушками осталось для Грязнова в прошлом. Грязнов давно уже пользовался скромным тесаком, изготовленным на заказ одним кавказским умельцем. Он был выкован, а не отштампован, в чем, собственно, и заключается преимущество любого ножа, выполненного мастером. Всякое видывал бывалый муровец и на прилавках, и на «малинах», но тут его воображение буквально поразил незнакомый прежде охотничий клинок «Jalisco».

– Мексиканский, – обронил продавец, заметив интерес покупателя, и достал нож с витрины.

Если судить по ярлыку, он был, как и все, – «нескладной и общего назначения». Упор, смахивающий на большой палец, и тыльник были бронзовыми, ручка же – из наборной кожи, а вот голубое лезвие походило на зубатку в разрезе. Но пила – зазубренная часть – доходила только до середины клинка, длина которого (что самое впечатляющее!) составляла никак не меньше пятнадцати сантиметров. Значит, нож был метательный. Грязнов представил себе, как такой «снаряд» может торчать в чем-то или в ком-то, и содрогнулся. Он побросал его из руки в руку, вернул и заметил, что на хищном лезвии клинка длинная царапина.

– Так и цена же, – сказал продавец, – в полтора раза от кондиционных

Грязнов вышел на улицу и забрался в «Ниву». Кондиционный нож стоил пятьдесят два доллара. И это была почему-то знакомая цифра... Как это – знакомая, что за чушь?! У начальника МУРа все цифры знакомые.

Не успел Грязнов завести двигатель, как выскочил продавец с родимым пятном на шее, неожиданно экспрессивно размахивая руками:

– Вы же не забрали сдачу! Вот возьмите хотя бы лотерейный билет, – и засунул разноцветный клочок бумаги в открытое окно.

«Jalisco», «Jalisco»... Что-то это слово ему напоминало... Грязнов вдруг вспомнил, что именно, и довольно ухмыльнулся. Ну конечно!

Грязнов выпрыгнул из машины и весело забежал в гастроном, удачно расположенный в том же доме. Через пять минут, весьма довольный собой, он рванул на бывшую Пушкинскую улицу, а теперь – Большую Дмитровку.

ЭЛЬДАР НАЗАРОВ

8 февраля, ночь

Назарова привезли на склад. Судя по запахам, здесь хранили гнилые овощи еще при социализме, но с тех пор они успели окончательно разложиться, освободив место для хранения автомобильных масел и смазок. О новом ассортименте, как и о старом, можно было только догадываться, полагаясь на обоняние.

Повязку с глаз Эльдару сняли в подсобном помещении. Но без нее лучше видно не стало. Его запихнули в каморку со склизкими кафельными полами, приложились напоследок по почкам и заперли железную решетчатую дверь. Волоча за собой кресло-качалку, появился Иван, он включил свет.

– Давай, Ваняй, – напутствовал его один из новых знакомых Назарова. «Ваняй» прозвучало как «воняй». Посмеявшись собственной шутке, бугай выдал длиннейшую тираду о том, каким экзекуциям следует подвергнуть пленника, не содержащую, что удивительно, ни единого матерного слова.

Эльдар с Ваняем остались в помещении вдвоем, разделенные железной перегородкой. Половина Эльдара оказалась совмещенным санузелом гостиничного типа. В том месте, где подразумевался душ, отросток водопроводной трубы был забит позеленевшей от тины деревянной пробкой, пропускавшей на свободу лишь тонкую струйку коричневой жидкости. Стены буквально источали влагу. Из мебели имелись ведро и швабра.

Эльдар пнул в угол половую тряпку, в лучшие свои годы служившую тельняшкой, перевернул вверх дном ведро и оседлал его.

– Встать, сука! – гаркнул Ваняй и развернулся с креслом лицом к Назарову. В ушах у него торчали наушники. Прыщи, покрывавшие его физиономию, из бледно-розовых превратились в темно-фиолетовые.

Заключенный никак не реагировал.

– Я кому сказал встать?! – Он вытащил из одного кармана пистолет, из другого – глушитель, свинтил их вместе, положил палец на курок, прищурил глаз и прицелился Назарову в голову. Эльдар тоже прищурил глаз и неожиданно прицельно плюнул метров на пять с лишним охраннику прямо в лицо.

– Боцман! – заорал парень, отшвырнув в сторону плеер. На вопль появился старик бомжистого вида, возрастом от шестидесяти до ста лет. – Где ты лазишь, старый козел? Выноси свое хреново барахло на хрен!

– Слезай с мостика, молокосос, – огрызнулся дед, тем не менее собираясь выполнить руководящее указание.

Ваняй подошел к решетке и выстрелил Назарову между ног. Пуля порвала брюки, но большего вреда не причинила.

– Садись в угол, руки за голову! – Эльдар медленно, насколько это возможно, отошел в угол и отвернулся, сложив руки за спиной. Не успел Боцман с ведром удалиться восвояси, Иван позвал его снова: – Эй, адмирал, тащи шланг!

На сей раз старик повиновался с демонстративной неохотой. Он бросил шланг в ноги разошедшемуся «начальнику» и прошипел:

– Еще раз пырхнешь, сопляк, оторву яйца, а пушку твою засуну в задницу.

Ваняй не стал расходовать нервную энергию на подавление бунта на корабле. Он включил воду и минут пять окатывал Эльдара, принимавшего гидропроцедуру с твердостью античного стойка, так как укрыться все равно было негде.

– А я, в натуре, оборву тебе все, что висит, – пообещал Эльдар своему надзирателю, когда тому надоело поливать. Потом он разделся до трусов и стал делать согревающие упражнения – температура воды тянула градусов на десять, не больше.

Молодой дежурил до вечера. В десять часов его сменил Боцман. Эльдар к этому времени основательно посинел. Слава богу, старик, очевидно, не испытывал к нему неприязни. Он принес телогрейку, клеенку на пол, матрас, чай и полбуханки ржаного хлеба.

– За что срок мотал? – спросил он, указывая слегка трясущимся пальцем на татуировку на груди Эльдара.

– За Федор Михалыча, царство ему небесное.

– Не врубился. За кого?

– За Достоевского...

Когда-то Эльдар был сыном московских окраин. Его район был заселен исключительно пролетариями, или люмпенами, кому как нравилось. Детишки там всегда выросли на несколько лет раньше своих центрально-городских сверстников. В дружной компании, любившей проводить время в несветских развлечениях, Назаров, более известный как Назарбек или просто Бек, выделялся повышенной склонностью к хулиганству, даже по здешним меркам. А также, что удивительно, некоторой тягой к поэзии.

Двое братьев и сестра – все были намного старше Эльдара. Основной и единственный педагогический принцип, не без успеха практиковавшийся в семье: не вступать в чужие дела. Дай бог со своими разобраться. Единственной примечательностью дома Назаровых являлась библиотека, оставшаяся от деда. Но, кроме младшего отпрыска, все демонстрировали полнейшее к ней равнодушие.

В пятнадцать лет он влюбился в музработницу местного Дома культуры, попал в хор, где стремительно сделал «карьеру» солиста вторым голосом. И все же любовь к прекрасному не довела его до добра. Незадолго до отправки в армию Эльдар с приятелями по доброй старой традиции вкушали портвейн в скверике возле гастронома. Может, все и кончилось бы мирно, сообразно месту и обстоятельствам, конечно, но налетел ливень и разогнал молодежь по домам. Дома у Назарова под действием «Трех семерок» и плохой погоды обострилась душевная рана. Нанесена она была не руководительницей хора, не ответившей на чувства, – ту рану давно зализали многочисленные поклонницы, роившиеся вокруг первого на квартале парня с гитарой. Объектом ненависти Назарова служила старая карга – продавщица винно-водочного отдела Алена Ивановна Проценко. Совсем недавно она отказывалась продавать несовершеннолетним тогда еще друзьям спиртное по государственной цене. Требовала на лапу и позволяла себе оскорбительные замечания. Приходилось терпеть. Сегодня пошла на новую уловку – спрятала товар под прилавок.

– Ждите до завтра, а невтерпех – езжайте в центр, сосунки, скатертью дорога, как раз к завтраму и доберетесь. – Они опять, как всегда, проглотили «сосунков», долго униженно упраскивали и, наконец, получили свое, доплатив сверху.

На способ мщения Эльдара натолкнуло имя обидчицы, да и фамилия была хороша. Он взял топор, засунул в мешок, запаса драным черным чулком и заявился к злосчастной Алене Ивановне. Та жила в допотопном деревянном доме с печным отоплением. Испытывая высокое эстетическое наслаждение и с трудом сдерживая душивший его хохот, Эльдар постучал в дверь:

– Телеграмма.

Не ожидавшая подвоха, продавщица впустила лжепочтальона с топором и чулком на голове. От ужаса она села на пол и зачем-то схватила сапожную щетку.

– Принеси таз! – рявкнул Эльдар.

Алена Ивановна на карачках, не выпуская из рук сапожной щетки, отправилась в ванную, достала с антресоли таз, опять стала на четвереньки и выползла в прихожую.

– Поставь сюда, – Эльдар показал на пол возле трюмо, – а сама влезай на тумбу, чтоб голова точно над ним свисала. Ишь, грязизищу развела! Упадет башка на пол – вся вымажется, кто мне за нее потом настоящую цену даст? – Он потряс мешком под носом Алены Ивановны. Она в полном оцепенении забралась на эшафот.

– Закрывай глаза и считай до десяти. – Эльдар стащил чулок и, пряча топор в мешок, стал тихонько, чтоб продавщица не услышала, открывать дверь. Ее вывернуло в таз. Назаров сам почувствовал, что его тошнит. На него накатил легкий приступ ужаса. Толком не затолкав топор на место, он шагнул за порог. За дверью стоял участковый, живший в соседнем подъезде.

Милиционера вызвала древняя, почти выжившая из ума старушка – соседка продавщицы, часто биваемая последней за нездоровое пристрастие к подглядыванию, подслушиванию и написанию доносов. Эльдар загремел на четыре года за злостное хулиганство.

В зоне ему повезло – повстречал земляка со своей улицы, совершавшего уже третью ходку, нашлись общие знакомые, вор взял парня к себе в «семью». Татуировку Эльдару он и сделал, вообще он делал их всем желающим, был настоящий ас.

...Боцман принес себе табуретку, расстелил на ней газету, выставил бутылку «Финляндии», стопку, луковицу, половину ржаной буханки, насыпал соли, начал нарезать колбасу. Нож не желал слушаться его, старику приходилось прикладывать видимые усилия, чтобы совладать с норовистым инструментом. Тем не менее в действиях чувствовалась размеренность и основательность, не свойственная беспробудным запойным пьяницам и окончательно спившимся забулдыгам. Эльдар прекрасно понимал язык ритуальных, наполовину неосознанных жестов, сопровождающих столь интимный процесс, как свидание с бутылкой.

– Про тебя можно научный трактат писать: «Традиционные и современные способы употребления водки в России».

Но Боцман тут же разрушил атмосферу таинства: сорвал пробку, плеснул в стопку граммов пятьдесят и, скривившись, проглотил залпом. Постепенно старик расправил плечи, ощутив уверенность если не в завтрашнем дне, то по крайней мере в настоящем моменте, и нож, почувствовав твердость в сжимающей его руке, стал заметно послушнее.

– Про меня целую энциклопедию написать можно, – сказал он с гордостью. – «Тысяча и одна дурацкая ошибка в жизни и как их избежать». Вот, например, знаешь, за что я сел? За то, что случайно увидел одну партийную задницу. Я был механиком на сухогрузе во Владивостоке, ходил в загранку, еще в те времена полмира видел, как Сенкевич. Нынешним, которые запросто на какие-нибудь Канары на выходные гоняют, все равно до меня, как до Киева раком. Понятно тебе? – Он справился с колбасой, отрезал ломоть хлеба, присыпав солью, порубил луковицу на кружочки, налил с чувством собственного достоинства и поднял стопку. – С Богом. Тебе не предлагаю – задержанным не положено. – Боцман крикнул и поторопился вернуться к своему повествованию, не потрудившись убедиться, что его слушают: очевидно, с благодарной аудиторией у него были проблемы. – В Сингапуре в борделе, значит, мне сделали татуировку на хрене – вроде фирменный знак, принадлежность к элитному клубу. погоди, а ты хоть раз за всю жизнь в заграничном борделе был? Ладно, потом, слушай дальше: они мне целую книгу показали с образцами татуировок, с пояснениями, что какая означает. Когда плыли домой, в душе случайно гляжу: у первого помощника, он был у нас парторгом, на заднице татуировка, которая по рангу положена гомикам. Понял, конечно, гад, что я смекнул, что к чему, но виду не подал. Только причадили во Владике – ко мне таможенники, давай вещи трусить, нашли под подкладкой порнуху и тысячу баксов. Ясно, не мои. Я свои зелененькие до последнего цента истратил на магнитофоны и те после случая в душе уступил корешу авансом за полцены, лишь бы чистым вернуться: первый-то наш сука был редкая, мог вообще за борт спихнуть, представься случай! Если бы сам все до ниточки перетряхнул, может, и вывернулся в тот раз, а потом и сам мог парторга подловить, у всех рыльце было б в пушку, а так накрутили мне пять лет.

После срока хотел его найти, приехал во Владивосток, а он, оказывается, в предыдущем рейсе в Сингапуре сбежал – не вернулся на корабль, не стал меня дожидаться, а может, совок его затрахал.

Боцман пил маленькими порциями по двадцать граммов, смачно закусывая, и по всем прикидкам мог оставаться в бодрствующем состоянии, продолжая бенефис в разговорном жанре, еще в течение долгих часов. Эльдар наблюдал за ним во время рассказа и пытался решить для себя: удастся ли склонить этого Синдбада на свою сторону? Перспектива провести несколько дней в клетке под охраной двух придурков не так угнетала, как мысль, что Катя должна расшибаться в лепешку, вытаскивая его отсюда. У Назарова была своя система жизненных ценностей. В каждом деле определяющим он полагал мужское начало и насчет эмансипации имел вполне однозначное – отрицательное – мнение. Эльдар мог еще с трудом представить, как сестрица Аленушка выручает из беды неразумное дитя, но чтобы молодая девка спасала его – здорового мужика, такого он вообразить не мог. Надо выбираться отсюда, причем старик – единственная реальная возможность. Дверь запиралась на болт. Ни Боцман, ни Иван с собой ключ не носили, он лежал на полке у противоположной стены, куда его швырнул молодой псих после инцидента с ведром. Имелся какой-то шанс скрутить бестолкового Ваня, если он приблизится к решетке, отобрать у него пушку и заставить деда отпереть дверь, но недоносок, несмотря на несомненную глупость, осторожен, и застать его врасплох маловероятно. А пытаться захватить в заложники Боцмана бессмысленно – для Ваня его ценность равна нулю или вовсе отрицательна. Итак, оставался единственный выход – наставить старого моряка на путь истинный или подкупить, как получится.

ТУРЕЦКИЙ

13 февраля, вечер

По телевизору показывали очередное заседание в Беловежской Пуще. Встречались руководители Украины и Казахстана.

«Ностальгия по СССР достигла своего пика на межгосударственном уровне. Действительно, Россия является правопреемницей Союза по всем ключевым позициям. И возможно, именно „благодаря“ этим ее привилегиям наступила полная атрофия в отношениях с сотрудничеством СНГ...» – комментировал писклявый человек в студии.

– Костя, ты что-нибудь понимаешь? Ты же государственный человек, ты должен понимать. Объясни мне, ради бога, что значит эта абракадабра?! – взмолился Турецкий. Они сидели в его, Турецкого, кабинете и смотрели программу «Сегодня» на канале НТВ.

– Имеется в виду, что нашим боссам глубоко начхать на... – Меркулов невольно посмотрел по сторонам, потом на телефон Турецкого, пребывающий в состоянии глубокого анабиоза на краешке рабочего стола.

У Турецкого, как на грех, тут же зачесалось в носу. Ну и ну. Если уж зам генерального прокурора опасается прослушивания в собственном здании... Турецкий вдруг вспомнил, с каким воодушевлением отправлялся полгода назад в Египет Шура Боровик, закадычный друг его хулиганского детства, ныне видный русский археолог. Там, в Египте, в очередном тайнике очередной пирамиды очередная международная экспедиция раскопала какие-то очередные древние дощечки с текстами. Что за тексты – никто понять не мог. Пригласили на симпозиум кучу специалистов из разных стран. Боровика – в том числе. Ученые мужи бились над старинной тайнописью пять месяцев. Шура внес свой посильный вклад. Наконец, тексты перевели, прочитали, а там оказались – одни доносы. Доносы... Третий век до нашей эры! Ничего никогда не меняется.

Турецкий чихнул несколько раз подряд.

– Ты только посмотри! Широкоскулый президент братается с Главным Хохлом, – умилился Меркулов.

«Забавно, что именно президент Казахстана, а не России – истинный лидер „четверки“ или сейчас, скорее, „тройки“... – вещал писклявый человек в студии на канале НТВ. – Парадоксально, но факт: сфера отношений СНГ – единственная, в которой российский Президент начинает соглашаться с левой оппозицией российской же Государственной Думы. Ведь у простых граждан сильны интеграционные настроения. И сейчас не важно, что эта идея утопична...»

– Любопытно, – сквозь зубы пробормотал Меркулов и выключил телевизор. Снял очки в тонкой роговой оправе и задумчиво потер переносицу.

– Страшно подумать, – ухмыльнулся Турецкий, – что движением нашей жизни управляют люди, не имеющие никакого понятия о законах физики... Так я могу считать, что уже получил разрешение на подслушивание Сафронова? – безо всякого перехода от высокой политики ляпнул он.

– Что-то мне подсказывает, что рано или поздно, – Меркулов кивнул на телефонный аппарат, – он зазвонит.

Телефон проснулся и зазвонил. Турецкому стало нехорошо, но трубку брать он не стал.

– Что у тебя нового по Сафронову? – спросил Меркулов.

– Я допросил двоих сотрудников следственного отдела Центрального округа и еще двоих, работавших там прежде. Информации – ноль. Стучать нынче, знаешь ли, никто не желает. Нужно начинать подслушивать разговоры Сафронова, иначе толку не будет.

– В принципе я могу тебе выдать санкцию на прослушивание даже Президента. Почему бы и нет. У него ведь нету депутатской неприкосновенности. Но что толку? Что умного можно услышать по телефону? Люди не доверяют ему свои секреты. Не рассчитывай, что поймашь Сафронова на слове и сможешь предъявить этот факт как веское доказательство взяточничества. Я даю тебе санкцию только для стимулирования расследования. Я буду у себя, но это не значит, что ты можешь меня дергать до появления первых результатов. Привет супруге.

Телефон на столе продолжал трезвонить. Турецкий нехотя снял трубку и услышал вкрадчивый грязновский голос:

– Але, это прачечная?

– Приезжай, заждались уже.

Дверь открылась, и ввалился Грязнов, пряча во внутренний карман куртки мобильный телефон. Внешний карман тоже подозрительно оттопыривался.

– Ну и как жизнь, Вячеслав? – поинтересовался Меркулов. – Как дело банкира?

– Полный «висяк».

– Не расстраивайся, Вячеслав, зато у тебя теперь есть личный банкир, – Меркулов, выходя из кабинета, похлопал Грязнова по плечу.

– Ага, личный, совсем ручной, практически карманный... Да, – вспомнил Грязнов, вытаскивая какой-то листок. – Я получил твое отдельное требование.

– Я отправил тебе этот факс сегодня утром, – ужаснулся Турецкий. – Это же срочный запрос по поводу личности погибшего водителя «БМВ»?!

– Я приехал не из-за этого факса. А из-за того, который ты посылал месяц назад.

Турецкий вздохнул. Он прекрасно знал, что Слава сделает все, что от него зависит, максимально быстро и качественно, но это потребует определенной компенсации. Немного издевательств и бутылки хорошего коньяка.

В сейфе, правда, еще оставалось две трети «Юбилейного».

После первой рюмки Турецкий демонстрировал Грязнову «подарок от фирмы» – «Приложение No 1», свидетельствующее о седьмом месте полковника Сафронова в загадочном рейтинге московских сыскарей. После второй выяснилось, что для ознакомления с Приложением No 2 нужно нажать любую кнопку. После третьей и последней («Юбилейный» был ликвидирован), что следующий «Бюллетень No 18» требует эксклюзивного кода доступа разряда 9799 FG.

– Славутич, на что это, по-твоему, похоже? – Турецкий с остервенением закурил.

– Трудно сказать. «Секретчики» обычно выпячивают свои тайны наружу. Прячутся в толпе, так сказать. Маскируются под обыденную действительность. – И Слава Грязнов жестом профессионального фокусника вытащил из кармана бутылку с красно-коричневой этикеткой «Tequila Anejo Jalisco», в которой заманчиво плескалась жидкость бледно-соломенного цвета.

– Аглицкие буквы – это, конечно, какое-то ключевое слово. Скажем, «фагот». Или «фигура». А цифры... Ты пил когда-нибудь прежде текилу? Ну... вот тебе вариант. 97 и 99 – временной диапазон действия. Три года.

– Ты издеваешься? – возмутился Турецкий, открывая бутылку. Ему уже было все равно. – Действия чего?!

– А что тебе интуиция подсказывает?... Между прочим, текилу иногда добавляют в виски и коньяк, а также в коктейль «Маргарита», о чем можешь сразу забыть. Так что у нас все получается строго по правилам. Сполосни стаканы, пора радикально увеличить дозу.

Интуиция не подсказывала ничего. Турецкий раз за разом жал свои любимые кнопки. Ctrl и Alt+Del. Ctrl и Alt+Del.

– Что это? – Слава ткнул пальцем в какой-то листок бумаги, валявшийся на столе. – Из твоего почтового ящика?

– Естественно. Счет за телефон, междугородные переговоры. Ирка просила оплатить сегодня.

– Да нет, вот это что? – Грязнов помахал квитанцией у приятеля перед носом. – Перед номером твоего телефона, видишь?

Чьей-то размашистой рукой карандашом там были начертаны две буквы: «FG».

– Текила обычно хороша до трех лет, – проронил Грязнов, тем временем с видом знатока исследуя этикетку.

– Е-мое! – взвыл Турецкий. – Код доступа! Ах ты ж мексиканец хренов! Мой код доступа – это мой домашний телефон?!

– Давай вводи его, – распорядился азартный Слава, потирая руки. – Заталкивай. Вставляй. Запихивай. Засунь им по самые помидоры.

Они выпили, и Турецкий лихорадочно застучал по клавишам. И наконец, вдавил кнопку «enter». На экране тут же запрыгала знакомая фраза: «Подарок от фирмы. Подарок от фирмы. Подарок от фирмы...»

Едва не стукнувшись лбами и выпучив глаза, друзья прочитали следующее:

*Только для служебного пользования
Пресс-релиз САГ «Аист»,
выполненный по стандартным критериям
и в иерархическо-анонимном порядке.
Бюллетень No 18-т*

Согласно последнему рейтинг-листу, составленному по N. Wolf-системе, оценивающему практический (результативный) профессиональный уровень следователей всех ступеней Генеральной и Московской городской прокуратуры, следственного комитета МВД, но за исключением следственного управления ФСБ (эксклюзивный код доступа разряда – не менее 9497 FG):

Старший советник юстиции Турецкий А. Б. занимает 17-ю позицию с личным коэффициентом: 21407 (19-е – по итогам предыдущей недели).

Слегка потрясенные, они выпили еще. Турецкий поморщился:

– Это же похоже на кактус. Что за дрянь пьем?

– Не кактус. Текилу делают из голубой агавы, которая водится в мексиканских пустынях. Лучшие сорта производят в штате Джалиско. А надпись «апејо» означает трехлетнюю выдержку, больше которой, кстати сказать, не бывает. Давай еще раз, и ты поймешь, что я прав.

Они снова налили и опорожнили стаканы.

Турецкий почувствовал ровный и сильный вкус на нёбе. Наверное, агавы? И мысли его немедленно приняли новое направление.

– Черт возьми! А почему этот Сафронов занимает седьмое место, а я – семнадцатое?! Почему это? – Возмущенный Турецкий закрыл файл со своей фамилией и снова уставился на «Бюллетень» с Сафроновым.

– Кстати, ты Меркулову об этом что-нибудь... нет?

Турецкий покачал головой.

– Тогда, чтобы без лишнего шума, быстренько сбрось на дискету, отвезем моему Денису, пусть его ребята поколдуют. А я дам команду своим орлам, пусть ставят «жучок» на Сафронова.

В этот момент текст на экране начал... растворяться. Только от некоторых букв и цифр остались лишь отдельные черточки и точки. Приятели не поверили своим глазам. Турецкий рванулся было переписывать файл на дискету, но – поздно. Экран мигнул, и в его центре черточки и точки стали сливаться в общую фигуру. Пока не образовали смачный кукиш.

– Мать их за ногу. Как они тебя сделали, – посочувствовал Грязнов. – Ну перепиши тогда хотя бы ту телегу, что на тебя накатали.

Турецкий, вздохнув, снова открыл «свой» файл, но сделать ничего не успел. Все повторилось до мельчайших нюансов, таких, например, как заусеницы на пальцах, образующих дулю. Текст опять растворился, а его остаток трансформировался в кукиш.

Грязнов потрясенно молчал. В этой критической ситуации они были просто вынуждены выпить два раза подряд. Снять стресс. Содержимое бутылки стремительно сокращалось.

Турецкий со злостью стукнул себя по колену:

– Я конечно, «чайник», но и такой посуды достаточно, чтобы понять, что использовать тексты можно было только один раз. При повторном открытии они самоуничтожаются.

– Но это все равно, как если бы человек говорил голосом, не записывающимся на диктофон.

– Нет, это как если бы во второй раз он отказался от своих показаний.

– На ФСБ это очень похоже. А ты вообще пытался проверить по своим каналам, что это еще за САГ «Аист»?

– Ты уверен, что текила хорошо накладывается на коньяк? – вопросом на вопрос ответил Турецкий.

– Очень действенно, – пообещал Грязнов.

– Ладно... Нету такого САГ «Аист»... Значит, «ключ» мне подбросили в почтовый ящик... Но зачем?... Нет, все-таки объясни, почему у меня рейтинг ниже?! Почему он вообще только семнадцать?

– Тут другое интересно, – уклонился Грязнов, разливая неизвестно в который раз. – За прошедшую неделю у вас обоих рейтинг поднялся на две позиции. Это, может быть, конечно, и совпадение, но... А как вообще складываются рейтинги?

– Зависит от того, кто, как и с кем сыграл... то есть... не знаю, как они это делают. В спорте вообще-то считают не слишком сложно. В общий лист вносятся все участники соревнований определенного ранга. За каждый выигрыш спортсмен получает какой-то процент рейтинга проигравшего ему соперника. А соперник соответственно столько же теряет. За выигрыш разным соперникам теряется разный процент. Кроме того, могут быть специальные надбавки, так сказать, индексация за уровень соревнования, если ты в нем победил, конечно.

– А когда еще очки рейтинга теряются?

– Дай сообразить... – Турецкий помотал головой, пытаясь разогнать сгущающийся туман. – Наверное, при неучастии в соревновании – теряются. Да, точно, при отсутствии объективной причины.

– Значит, чтобы определить рейтинг сыщика, нужен рейтинг преступника, с которым он вступил в единоборство, верно?

– Да ты рехнулся, это же невозможная вещь, как это определить?! И кто это сделает?! А потом, о каком единоборстве может идти речь?! Тут же миллион иррациональных факторов вступает в силу. Пока получишь одно идиотское разрешение на прослушивание – уже поседеешь. А седой следователь – это уже совсем другой следователь. Э-э-э, да что говорить. – Турецкий махнул очередную дозу «агавы».

– Перестань трясти землю, – вдруг тихим и неуверенным голосом попросил Грязнов.

Турецкий удивился, но возражать не стал, кто знает, может быть, он что-то такое и совершал. Тем более что тут Грязнов вдруг сказал совершенно трезво и четко:

– Ты говоришь, что рейтинг нельзя рассчитать, потому что нельзя рассчитать его у преступника, тем более – кстати! – у потенциального преступника. Это все верно. Но, может быть, рейтинг существует как раз для таких случаев, как у тебя сейчас – при внутреннем расследовании? Преступник известен заранее. Он – свой парень в доску. В рейтинг.

– Ерунда, – запальчиво возразил Турецкий, явственно ощутив, как пространство начинает искривляться. И повинувшись непонятному порыву, одним стремительным движением налил в свой стакан и выпил, не давая опомниться sobутыльнику. – Д-даже если я нахожусь

на последнем месте, то получается... то получается, что в системе подсчета задействованы как минимум семнадцать человек. Это уже немало для внутренних расследований, которые могут одновременно вестись в настоящий момент. Кроме того, откуда это известно САГ «Аисту»? Твоя гипотеза возможна только при допущении тотальной утечки информации.

– А ты считаешь – это исключено?

– Да, – уверенно начал было Турецкий, но вспомнил, как странно вел себя Костя Меркулов. – Да... я так считаю... Не перебивай. Вспомни лучше, как там было написано? «Аист» оценивает профессиональный уровень следователей всех ступеней системы Генеральной прокуратуры, следственного комитета МВД...

– Двух из трех существующих ведомств – всех, но за исключением ФСБ. – Грязнов икнул, разлил остаток текилы, и приятели прикончили «Anejo Jalisco». Грязнов грустно посмотрел через пустую бутылку на своего приятеля и понял, что вряд ли сегодня куда-то уедет.

– Вот именно! То есть оценивается куча народу. Это может быть несколько тысяч человек. Не могут же все они находиться по разные стороны внутреннего расследования. Но может быть другое! Может быть, действительно есть утечка информации, а этот гребаный рейтинг – чепуха на постном масле, которую выдумал господин Сафронофф, просто чтобы подействовать мне на нервы. Так вот, герр полковник, – вдруг заорал Турецкий почему-то в потолок, – т-так в-вот...

Что именно сам он докричал «герру Сафроноффу», Турецкий дослушать не смог, потому что в его личном варианте немедленно рухнул потолок. А может быть, тот, другой Турецкий, которого он наблюдал как бы со стороны, что-то и докричал. А почему я вообще решил, что я Турецкий, подумал Турецкий. Может быть, Грязнов завтра все расскажет. Если только он не провалился при землетрясении.

КАТЯ

11 февраля, утро

Катя остановила машину у офиса Кроткова, располагавшегося в бывшем здании ЦК ВЛКСМ. «Дипломат» с деньгами лежал на сиденье рядом.

Глядя в зеркальце, осторожно, стараясь не разрушить причудливую башню, в которую были собраны ее волосы, нажала кнопку «record». Диктофон в высокой прическе был абсолютно незаметен. Вот и пригодился.

Две недели назад у Кати был день рождения, и, зная, как она любит всякие «аудиоприемочки», Эльдар потащил ее в «Global USA» выбирать подарок. Они долго изводили продавца, пытаясь оценить звучание. В конце концов, Катя остановилась на аудиосистеме «Hi-End от Bow Technologies», и вместе с покупкой ей вручили лотерейный билет. В лотерею ей обычно не везло, и безо всякого энтузиазма она стерла монеткой слой фольги, ожидая увидеть надпись типа «Без выигрыша», но под серебристой пленкой появились цифры – \$100. Продавец поздравил ее с удачей и объяснил, что она может выбрать в их магазине любой товар по стоимости не превышающий сто долларов. За выигранную сумму можно было выбрать разве что будильник или аудиоплеер. Катя выбрала диктофон. Абсолютно белый, по размеру не больше пачки сигарет, с такими же белыми причудливой формы кнопочками, вещь, казалось бы, абсолютно бесполезную. И стоил он несколько больше выигранной суммы, но ее это не смутило. Диктофончик ей настолько понравился, что она доплатила недостающие десять долларов. Эльдар еще пошутил, что ей теперь нужна еще зажигалка-фотоаппарат, и можно выходить на шпионскую охоту.

Теперь этот диктофон поможет ей добыть доказательства того, что Кротков занимается рэкетом, да еще и похищением людей. Слишком уж много он на себя берет. Но нести диктофон в сумочке или прятать его на себе было довольно опасно, ибо кто знает, что придет в голову этому психу на этот раз, вдруг он опять полезет обниматься или, еще чего доброго, прикажет обыскать ее. И потому Катя придумала трюк с прической.

В дверях дорогу ей преградил коротко стриженный крепыш в костюме и при галстуке, на груди его болталась пластиковая табличка с крупной надписью «Security» и цветной фотографией.

– Что вы хотите? – предельно вежливо спросил он каким-то механическим голосом.

– Я в фирму «Юность».

Охранник извлек из нагрудного кармана телефон внутренней связи и, не сводя неподвижного взгляда с Кати, сообщил неизвестно кому:

– Спуститесь, к вам пришли, – и уже обращаясь к ней: – Подождите минуту, – и все это, не меняя выражения лица. К его облику, несомненно, больше подошел бы диверсионный камуфляж, костюм сидел на нем, как чехол на танке.

Минута истекла, и рядом с охранником вырос блондинистый Сеня с расплюснутым носом и на этот раз тоже в костюме, более дорогом, но сидящем еще хуже, чем на охраннике.

– Пра-ашу, – сказал Сеня, и представитель «Security» отступил ровно настолько, чтобы Катя смогла пройти, не задев его плечом.

Они прошли по звонкому паркету, оставшемуся, видимо, с былых комсомольских времен, и Сеня услужливо распахнул перед ней черную звуконепроницаемую дверь.

Катя оказалась в приемной, обставленной светлой офисной мебелью. Секретарша, маленькая брюнетка с пышными формами, отвлеклась от экрана компьютера и взглянула на незнакомую посетительницу. За долю секунды выяснив характерные объемы, рост и вес и убе-

дившись, что в сравнении с посетительницей она не проигрывает, так как они являются полной противоположностью друг другу, приветливо улыбнулась:

– Василий Петрович вас ждет.

Кабинет был просторен и шикарно обставлен: темно-серый кожаный гарнитур, огромный стол, заставленный разнообразными канцелярскими прибамбасами. Кротков восседал в вертящемся кресле и лениво курил. В собственном кабинете он чувствовал себя полноправным хозяином и потому позволил себе снять пиджак и слегка распустить узел дорогого светло-серого, усеянного серебряными искрами галстука. Сеня бережно принял чемоданчик с деньгами и, осторожно положив его на стол, помог Кате раздеться.

Кротков нажал кнопку на столе, и секретарша вкатила в кабинет столик с кофе и пирожными.

– Угощайтесь, пожалуйста, – радушно предложил Кротков и, только когда секретарша, покачивая бедрами, покинула кабинет, открыл «дипломат». Едва взглянув на его содержимое, он тут же убрал деньги в сейф.

– Я рад, что вы вели себя разумно и не заставили нас прибегать к более радикальным мерам. – Он загасил сигарету и тут же зажег новую. Пепельница была переполнена, но воздух в кабинете оставался довольно свежим, благодаря кондиционеру, который тихонько убаюкивающе урчал за окном.

– Где Эльдар? – спросила Катя. Ей было неприятно находиться в обществе Кроткова, хотелось побыстрее покинуть этот кабинет.

– Маэстро чувствует себя хорошо и велел кланяться. – Кротков был сама любезность.

– Что значит – кланяться? Вы получили деньги и должны его отпустить.

– Я, госпожа Масленникова, никому ничего не должен. Вы его получите, когда я сочту нужным, – делая ударение на слове "я", ответил Кротков, – а пока он останется у нас. На мой взгляд, настала пора перевести наши деловые отношения на качественно новый уровень.

Немного склонив голову набок, он задумчиво посмотрел на кофейник, и Сеня, видимо обладавший телепатическими способностями, тут же наполнил его чашку. Кротков медленно, маленькими глотками выпил свой кофе и только потом продолжил:

– Я подумываю о взаимовыгодном партнерстве во владении вашим уютным ресторанчиком. Короче говоря, отныне, если вам еще дорого с таким трудом взлелеянное вами детище, прекрасный, на мой взгляд, образчик предприятия общественного питания, вы будете делиться с нами, ну, скажем, сорока девятью процентами прибыли. И в качестве первого взноса через три дня принесете мне пятьдесят тысяч долларов.

Катя не находила слов, пораженная его наглостью. Она открыла сумочку, и Сеня тут же вырос рядом, заглядывая через плечо. Убедившись, что оружия в сумочке нет и Катя в приступе гнева не собирается убивать его шефа, он ретировался на свое обычное место, к двери. Катя достала пачку сигарет и зажигалку, и Сене пришлось вернуться, чтобы помочь ей прикурить.

Катя курила мало и редко, только в моменты крайнего возбуждения. Сделав одну затяжку, она раздавила сигарету в пепельнице.

– Я хочу видеть Эльдара.

– Боюсь, свидание при свечах не состоится, но чтобы вы не забивали свою прекрасную головку тревожными мыслями, сегодня утром мы запечатлели мужественный лик вашего возлюбленного, с помощью, увы, примитивного «Полароида». Конечно, для него, привыкшего к софитам, это было немного оскорбительно, и потому он не успел войти в образ и явить нам свою так любимую многочисленными фанатами улыбку.

Кротков протянул Кате моментальный снимок. На фотографии Эльдар держал в руках газету, так что она закрывала нижнюю половину его лица, но зато можно было разобрать дату. Газета была сегодняшняя. Значит, по крайней мере, сегодня утром Эльдар был еще жив. Но

его взгляд... Катя достаточно хорошо знала Эльдара, он мог улыбаться, даже хохотать или, наоборот, стискивать зубы и играть желваками на скулах, и все это было только маской, его подлинное настроение отражали глаза, а сейчас его взгляд не выражал абсолютно ничего, как у сомнамбулы. Кате это не понравилось. Она хотела спрятать фотографию в сумочку (еще одно доказательство для милиции), но Кротков отобрал снимок:

– Сожалею, но отдать не могу. Уж очень хочется сохранить что-то на память о вашем талантливом друге. И хочется, знаете ли, поделиться затаенным: быть может, при расставании я преодолею природную робость и попрошу украсить фото автографом.

Помня о диктофоне, Катя попробовала разговаривать Кроткова. Раз уж она рискует, то нужно хотя бы постараться, чтобы запись была как можно более информативной.

– Где вы его держите? Там хотя бы тепло? Вы знаете, что у него больные почки? – Катя понимала, что ее вопросы звучат глупо, но, может быть, Кротков проговорится. И по какой-то незначительной детали можно будет вычислить, где Эльдар, а значит, и освободить его.

Но Кротков не проговорился, он расценил ее реакцию по-своему. Она испугалась, а это именно то, чего он и добивался. Боится – значит, будет платить. Главное, не перегнуть палку, а то еще помчится, куда не следует, и все испортит.

– Вы еще спросите, что он кушает и вовремя ли ложится баиньки. Разве я или вот Сеня похожи на садистов, способных мучить невинных людей просто так, из любви к искусству? Если вы будете вести себя правильно, ничего с ним не произойдет. И хочу предупредить: никакой дурацкой милиции, это только наше сугубо личное, семейное дело – ваше и мое, и не нужно впутывать сюда посторонних, иначе я не отвечаю за последствия.

Катя согласно кивнула, продолжая играть роль испуганной девочки, что было не слишком сложно, поскольку она действительно была здорово напугана. Кротков поднялся и подал Кате шубу, давая понять, что аудиенция закончена:

– Сейчас вам пора домой – ведь предстоит мно-о-оое сделать. Что касается связи, милочка. Нашу следующую встречу хотелось бы провести в неформальной обстановке, так что приходить сюда больше не следует. Встретимся в субботу в двенадцать, у ресторана «Ореховый». Вы же не против, верно?

Катя пожала плечами и направилась к выходу. Кротков вернулся в свое кресло:

– До встречи. И берегите себя.

ЭЛЬДАР

9 февраля, день

– Послушай-ка, ангел-хранитель, как тебя звать по батюшке, не Боцманом же? – спросил Эльдар.

– Можешь Палычем, да только ее, родимой, – он кивнул в сторону бутылки «Финляндии», – все равно не получишь, сказано мне было строго: «Нельзя!»

– Кем же это, позволь, Палыч, полюбопытствовать, тебе строго наказано? Уж не нашим ли юным другом, прыщавым Ваней-шлангистом? Он тут, похоже, большой начальник. – Сказано было, пожалуй, слишком ехидно, но старый моряк уже не мог уловить нюансов в голосе.

– Не умничай! Я здесь начальник! Соображаешь? Я! Палыч. – Он хватил стопку как бы в подтверждение своих слов. – Знаешь, кто тебя ко мне привез?

– Какой-то Кротков, – процедил Эльдар пренебрежительно.

– Кротков тебе не какой-то! И он, между прочим, меня уважает, всегда по отчеству: «Есть ли проблемы, Палыч? Я вам доверяю...» Хотя жук еще тот. – Он с сожалением посмотрел на почти опустевшую бутылку. – А Ваняй думает, будто Сам его ценит. – Палыч разгорячился и в сердцах сплюнул. – При первой надобности он этого сопляка бросит на амбразуру, а тот ничего и не поймет, пока пулю не схватит. Зачем еще такие желторотые дебилы нужны, спрашивается? Старый вор – он дерьмовое дело за три версты пупком чует. А скорей наш Ванька-дурачок нарвется сам и загремит под фанфары, шеф его вытаскивать не станет, нынче пацаны не в космонавты рвутся, только свистни – набегут, хрен прогонишь. Ну а на зоне, сам знаешь, таким в один день рога обламывают. – Боцман улыбнулся зажмурившись, наверное, представляя себе радостную картину Иванова унижения. Затем прикончил, наконец, бутылку и устался на стену, о чем-то размышляя. Палыч безусловно пытался разрешить дилемму: пропустить еще шкалик и предстать утром пред чьи-то ясны очи в неприглядном виде или прервать выпивку в самом ее апогее. Второй вариант Эльдара не устраивал: если старик упьется до положения риз, толку от него не добьешься.

– Палыч! Кончай заливать. Говоришь, меня к тебе привезли? А на кой я тебе нужен? Может, твое хобби людям байки рассказывать, а чтоб не сбежали, недослушав, запирать их на замок? Или, скажем, ты за какую-то идею работаешь? А может, озолотил тебя Кротков, шестисотый «мерседес» подарил, за свой стол на почетное место усадил, в адмиралы произвел и поставил своим флотом командовать?

Старик, не ожидавший такого поворота в разговоре, озадаченно молчал.

– Он же тебя в грязи подобрал, на миллиметр приподнял, даже обмыться не дал, а ты ему уже готов ботинки лизать, как щенок. Говоришь, полмира объездил, жизнь повидал? Ванька-сопляк во внуки тебе, Палыч, годится, а посылает по матери и погоняет, как салагу, а ты рад стараться услужить. – Эльдар решил выдержать паузу: старческий маразм, укрепленный «Финляндией», замедлял восприятие Боцманом окружающей действительности. Но тот ответил сразу и почти без хмеля в голосе:

– Все ты верно базаришь, как тебя?

– Эльдар.

– Но не все знаешь. Я раньше в коляске возил безногого афганца, он в переходе христарничал, их целая орава на ту же контору работает. Кто как в эту компанию угодил, не знаю, но есть там стоящие мужики, хоть и в некомплекте. Некоторые бежали, один, дурачинушка, к ментам за правдой подался, другой революцию устроил. Беглецов всех скоро вернули на место или прикончили. Понял, Эльдар? – Говорил Палыч скороговоркой, как будто боялся не успеть. – Миллион ты мне не предложишь, чтоб я куда-нибудь в джунгли к папуасам мотнул

или на собственный атолл, а в любом другого месте они меня завтра достанут. И в лучшем случае урекают быстро, только куда им торопиться?

Эльдар улегся на сырой матрас и отвернулся от собеседника. Рассчитывать на помощь экс-моряка Палыча в побеге не приходилось: он, видать, уже много лет ходит с полными штанами и хозяев боится больше смерти. Остается надеяться на случай или на то, что Катя сможет уладить дела с Кротковым, но, исходя из услышанного сегодня, вряд ли он так просто оставит ее в покое.

С утра, как и предполагалось, произошла смена караула. Ваня, качаясь в кресле, прослушал одну кассету, потом начал проявлять признаки раздражения. Надо полагать, должность вертухая не соответствовала его представлениям о роли собственной личности в истории.

– Эй, Боцман! Я отвалю часа на два, смотри, чтоб все было как положено, приду – проверю.

Палыч аж позеленел от злости, ночной разговор все-таки расшевелил остатки гордости в его забитой душе. Он приблизился к обидчику с перекошенным лицом, словно не в силах выговорить ничего в ответ на оскорбительное предложение, и неожиданно ударил его коленом в промежность. Ваня скорчился, тогда дед взял табуретку и огрел его по спине.

– Будешь сидеть, пока я не разрешу выйти. Всосал? – Не дождавшись ответа, Палыч покинул поле брани, поспешно унося лавры победителя.

У Эльдара под воздействием житейских коллизий последних суток и по причине отсутствия первой степени свободы (передвижения) случился творческий экстаз.

– Палыч! Скорей неси ручку и бумагу! – крикнул он в явное нарушение правил. Боцман прибежал в абсолютном недоумении, с глазами навывкате.

– У тебя что, крыша съехала, парень? Жалобу прокурору писать собрался?

– Неси скорей, сейчас слова забуду!

– Какие, блин, слова?

– Да ты хоть знаешь, кто я? Я музыкант, я поэт, дурья твоя башка, Эльдар Назаров, слышал? – Вопрос был задан без особой надежды на утвердительный ответ, но старику имя действительно оказалось знакомо. Лицо его расплылось в глупой улыбке, и он рысью бросился за письменным прибором. Но Назарову не отдал: решил сам принять участие в сотворении шедевра. Эльдар провозгласил:

– Значит, пиши! Мальчик Ваня трата та-та та-та та...

Мальчик Ваня вынимает финский нож,

Что ж ты лезешь на рожон,

Эх, пижон...

– Трата та-та та-та та, – задумчиво произнес Боцман... – Мальчик Ваня пропадает ни за грош!

– Ага, ни за грош, – прогнусавил Назаров нараспев, также задумчиво. – Точно, ни за грош. Гитара есть? Сейчас музыку сочинять будем.

– Где ж я тебе гитару возьму? Ты не в подсобке магазина «Мелодия», а... – Палыч осекся и бросил колючий взгляд на Ваню. Тот наблюдал за творческим процессом с явной злобой. Возможно, он и сам не отказался бы поучаствовать, но натянутые после вчерашнего отношения с Эльдаром и скользкая тема предполагаемой песни отрезали все пути к сближению.

– На кожаной флейте играй, Моцарт! Вон у Боцмана одолжи. У него знаменитый инструмент, с фирменным знаком. Небось уже хвалился? – Ваня расхохотался гаденьким фальцетом.

– Вань, хочешь анекдот расскажу? – спросил Назаров. – Лев Толстой очень любил играть на балалайке, но не умел. Бывало, пишет роман «Война и мир», а сам думает: «Тень-дер-день-тер-тер-день-день-день». Или: «Брам-пам-дам-дарарам-пам-пам».

И за неимением настоящей он принялся перебирать аккорды на воображаемой гитаре, беззвучно открывая рот, с невероятным напряжением на лице, покачиваясь в такт никому, кроме него, не слышной мелодии.

– Первая строка: ля минор, ре минор, ми мажор, ля минор. Вторая – тоже. Потом: ля сэпт, ре минор ми мажор, пижон – ля минор. – Палыч, записав, изобразил работу мысли, подражая Назарову, брынькал на виртуальной гитаре, пытаясь воскресить в памяти блатной квадрат.

На этот раз Иван хохотал до слез, как ребенок, всхлипывая и колотя себя кулаком по колену.

– Ну ты конь, Боцман!

Палыч, не обращая внимания на реплику молодого коллеги, стогая к себе и притащил из анналов чекушку и две стопки.

– За шлагер! – сказал он, наливая Назарову, и повернулся к Ване: – Э-э, а: несение караульной службы является выполнением боевой задачи в мирное время и требует от военнослужащего выдержки, бдительности и инициативы... – Палыч опрокинул рюмку, а Ваня прыгнул на него сзади и огрел пистолетом по голове.

– Ты зачем старика ударил, Шалыпин? Нехорошо руки распускать. Придется доложить начальству и режим усилить. – Он вынес тело Палыча. Спустя час приехали давешние знакомые.

– Старик совсем охренел и допил, – жаловался Иван, – пришлось в репу съездить, нянчился с этим вот, водкой его угощал, а он его схватил и об решетку – хрясь!

– Ладно, с Боцманом без тебя разберемся. А ты куда смотрел, когда он его об дверь звезданул?

– Да если б не я – вообще убил бы...

«Пацаны» вкололи Эльдару нечто сильнодействующее, от чего он отключился и потерял счет времени. Единственное, в чем он был почти уверен: его ширяли неоднократно, по крайней мере остался смутный образ Ваня со шприцем.

КАТЯ

11 февраля, день

Она медленно шла по Большой Якиманке, сосредоточенно размышляя, с серьезным риском угодить под машину.

Ну, хорошо, у нее теперь есть доказательство того, что Эльдар похищен, и в милиции ее вряд ли примут за истеричку, которую бросил любовник, а она по этому поводу решила поставить всех на уши. Однако, с другой стороны, что будет, если Кротков узнает об этом телодвижении? Эльдару определенно не поздоровится. К тому же он и сам, наверное, был бы против вмешательства органов. Где же выход? Шантажировать Кроткова пленкой в надежде, что он испугается, отпустит Эльдара и забудет обо всем? Глупо. Это открытое объявление войны, проигравший которой известен заранее...

Или попросить отца? Если родитель со всеми своими связями и влиянием бросится ей помогать, то возможно, что проблему удастся быстро урегулировать. Таких денег у отца, конечно, нет, но Кротков, сообразив, откуда ветер дует, сразу станет скромнее и сговорчивее. Только беда в том, что отец терпеть не может Эльдара. И что гораздо важнее, он никогда и ни при каких обстоятельствах не использовал свое служебное положение в личных целях и не станет этого делать впредь. А бросить ее в беде он тоже не сможет, значит, будет опять корчиться в моральных муках...

Вдруг у нее возникло навязчивое ощущение какого-то зуда в затылке. Ощущение, которое появляется, когда кто-то пристально, не прекращая, сверлит взглядом твою спину.

Катя выглядела весьма эффектно – высокая, стройная молодая женщина в оранжевой лисьей шубе, по воротнику которой рассыпались ее светлые волосы. Встречные мужчины оборачивались ей вслед и провожали долгими восхищенными взглядами, в которых, впрочем, сквозило удивление: почему она ходит пешком, а, скажем, не летает. Но это обычное явление, и она давно привыкла к такой реакции. Сейчас же было что-то иное. За ней следили.

«Пленка!» – запрыгало вдруг у нее в голове. А если они каким-то образом узнали и теперь охотятся за ней?! Первым импульсом было желание бежать со всех ног подальше отсюда. Катя взяла себя в руки, постаралась успокоиться и, лишь немного ускорив шаг, попробовала смешаться с толпой. Но взгляд «не отставал».

Она остановилась у витрины. Достала зеркальце и, делая вид, что придирчиво анализирует свой макияж, попробовала окончательно определиться с причиной своего беспокойства.

Никто не выстрелил в нее из пистолета с глушителем, никто не подошел и не окликнул, никто не затащил в припаркованную у тротуара машину. Вот козлы. Она предоставила им полную возможность это сделать, но никто ею почему-то не пожелал воспользоваться. Очевидно, никто и не собирался ее убирать или похищать. По крайней мере, пока не собирался. Может, показалось... Переволновалась, трюсиха, и навоображала бог знает чего?

Но нет. Метрах в пяти позади нее мужчина в зеленом кашемировом пальто тоже остановился и, отвернувшись, принялся хлопать себя по карманам, довольно натурально имитируя человека, который вдруг вспомнил что-то невероятно важное. Его лицо показалось ей смутно знакомым, но она не успела как следует рассмотреть. Значит, за ней все-таки следят. Но знают ли они о пленке или просто не хотят оставлять без присмотра – вот вопрос вопросов!

Катя крепче сжала сумочку с драгоценной ношей и медленно пошла дальше, делая вид, что полностью погружена в свои мысли. Зашла в небольшой салон авангардного искусства и минуты три рассматривала выставленные там картины, представляющие весьма сомнительную художественную ценность. Катя переложила диктофон во внутренний карман и продолжила осмотр вернисажа. Ее интересовали не столько произведения искусства (надо сказать, редкая

чушь), сколько тонированное стекло витрины, почти непрозрачное со стороны улицы. Тип в зеленом пальто был рядом. Он с самым серьезным видом разглядывал соседнюю витрину и опять стоял вполоборота.

Дойдя до следующего угла, Катя повернула направо и вдруг увидела, как из остановившегося такси вылезает толстенная бабища, до зубов нагруженная разнообразными пакетиками и сверточками. Катя придержала дверцу, намереваясь тут же занять ее место и хоть попытаться уйти от хвоста. А бабища копалась и копалась, роняя и подбирая свои пакетики. Когда, наконец, путь был свободен, чья-то тяжелая рука легла на Катино плечо. Она обреченно оглянулась.

– Катька? Масленникова? А я все гадаю, ты или не ты. – Преследователь широко улыбался.

– Володя? – Катя взглядела в его лицо. В располневшем, раздавшемся в плечах, слишком тщательно выбритом мужике с трудом угадывался ее когда-то худющий и застенчивый одноклассник Вовка Долгов.

– Так вы садитесь или нет? – Таксист был крайне недоволен.

– Нет-нет. Спасибо большое, поезжайте. – Катя с трудом разомкнула пальцы, все еще удерживавшие дверцу машины.

– Что за народ пошел. То еду, то не еду. А кто мне за простой заплатит? – Не переставая бурчать, шофер клацал счетчиком.

– Не ворчи, шеф. – Володя бросил на сиденье десяти тысячную бумажку. – Не видишь, людям поговорить надо. – Он взял Катю под руку. – Ну, какая ты стала, Катерина, просто топ-модель, честное слово. У меня тут офис рядом. – Он неопределенно махнул рукой, указывая куда-то на противоположную сторону улицы. – Стою я, это, курю, в окно смотрю. Глядь, вроде ты. Ну, я хватать пальто и за тобой. Неудобно сразу за полу дергать – вдруг обознался. Вот и пошел следом, следы распознавал.

Начинало темнеть, пошел мелкий колющий снежок. Они медленно двигались в плотном людском потоке, то и дело подталкиваемые вечно спешащими куда-то москвичами. Володя болтал не переставая. Что-то об армии, о том, как его турнули из института, о бизнесе и своей роли в нем. Катя слушала вполуха, даже не пытаясь вникнуть в подробности. Изредка кивала и хмыкала, не заботясь о том, к месту ли. Но Володя, казалось, не обращал внимания. Его несло. От былой застенчивости не осталось и следа.

Изложив конспективно все произошедшее с ним за последние десять лет, он теперь ждал того же от Кати. А ее совершенно не тянуло на разговоры. Что-то похолодевшее и сжавшееся в комочек у нее внутри постепенно теплело и распрямлялось. Она почувствовала, что смертельно устала и хочет сейчас одного – вернуться домой и влезть в горячую ванну. И еще – жутко жалела, что в целях конспирации и запутывания следов решила оставить машину на автостоянке.

Чтобы не показаться совсем уж невежливой, Катя записала Долгову номер телефона:

– Позвони как-нибудь. Встретимся, потрещим...

– Нет, но выглядишь ты потрясно. Хоть скажи, замужем или нет, а то я уже в соискатели записываюсь.

– Извини, все места заняты.

– Жаль, – искренне огорчился Володя. – Проводить тебя?

– Нет, спасибо, недалеко.

Долгов попрощался и скрылся в подземном переходе. Но не прошла она и двадцати метров, как снова пришлось остановиться.

– Катя! – Сложив рупором ладони и перекрикивая шум движения, Володя орал с противоположной стороны улицы. – Слушай! У нас же в этом году десять лет окончания школы, придешь?

Катя энергично закивала головой.

ТУРЕЦКИЙ

14 февраля

Турецкий стеснялся своей секретарши. И на то были свои причины. При некоторой натяжке она годилась Турецкому в матери. Пятидесятипятилетняя Изида Сигизмундовна была «рождественским подарком» зама генерального прокурора (К. Меркулова) «важняку» Генпрокуратуры (А. Турецкому), который со всеми ее молоденькими (и не очень) предшественницами нажил кучу неприятностей. Вообще-то секретарш у «важняков» нет, но ввиду загрузки последнего времени Меркулов выделил Турецкому один кадр из резерва канцелярии Генпрокуратуры.

Изида Сигизмундовна отличалась удивительным девичьим голосом. Она курила не трубку и не «травку», а нормальные сигареты «Голуаз». Она не пила в рабочее время, и, видимо, вне его тоже. Она не вязала бесконечных носков для нескончаемых внуков. Она четко отвечала на поставленные вопросы, касались ли они кометы Галлея или сокращения поголовья крокодилов в устье Амазонки. И самое потрясающее – она никогда не обсуждала вчерашнюю серию «Санта-Барбары»! Методом исключения оставалось только одно занятие – она работала. Первое время Турецкого это здорово выбивало из колеи. Но когда Изида Сигизмундовна навела идеальный порядок в делопроизводстве и наладила безупречный конвейер необходимой оперативной информации, он несколько пересмотрел взгляды на жизнь и на проблемы эмансипации в частности.

Единственной ее страстью оказались безжалостно и молниеносно раскалываемые кроссворды. Турецкому пришлось около трех недель внимательно следить за секретаршей, чтобы заметить эту маленькую слабость.

Почему-то общественным мнением было решено, что эта чуть полная шатенка с россыпью веснушек на носу и немного великоватыми ушами сильно смахивает на Агату Кристи (если только кто-то видел, как выглядела знаменитая писательница), и потому за спиной Изида Сигизмундовна прозывалась «мисс Марпл». Оставалось лишь тайной, где Меркулов раскопал такое чудо.

Так вот, Турецкий стеснялся своей секретарши, когда оказывался в ситуации подобно этой. Продолжая сжимать в руке пустой стакан и лежа на чем-то жестком (на полу? на столе? Турецкий боялся открывать глаза), он услышал, как где-то рядом хлопнула дверь. Очевидно, «мисс Марпл» пришла на работу. Очевидно, начался новый рабочий день. Сейчас она зайдет навести порядок в кабинете шефа и увидит его самого в совершенно непотребном виде. Окончательное падение авторитета.

Турецкий предпринял чудовищное усилие, чтобы приподнять одно веко, и на секунду задумался: правое оно или левое? Так ничего и не решив, он открыл и второй глаз. Было темновато. Стол, на котором он возлежал (или это все-таки пол?) почему-то подпрыгнул. Или ему показалось? Турецкий смутно припомнил, что намерении у них с Грязновым все вроде бы закончилось не то землетрясением, не то... Он осмотрелся. Что за черт? Все явственно подпрыгивало, и в то же время за окном стремительно проносились темные пятна деревьев. Турецкий на всякий случай прочистил горло.

– Ну наконец-то, дядя Саша, – бодро произнес молодой и хорошо знакомый мужской голос. – Давно уже ждем-с вашей реанимации-с.

Наконец до Турецкого дошло. Это был Денис, племянник Грязнова, он сидел за рулем собственного джипа скромной марки «форд». А сам Турецкий возлежал на заднем сиденье его джипа скромной марки «форд». А раз так, то... Секундочку!

Турецкий окончательно пришел в себя и заорал:

– Какого черта? Ты что, меня украл?!

– Дядя Саша, успокойтесь, – хладнокровно сообщил Денис. – Я только выполняю приказ своего руководящего родственника, а вашего ближайшего друга.

– Какой, к лешему, приказ?! Останови немедленно!

– Именно, – не отрывая взгляда от дороги, с искренним восхищением отреагировал Денис. – Именно так! Точно! Как раз – к лешему. Как раз туда мы и едем.

– Что?!

– Охотиться. На кабана. У моего дядьки под Калугой знакомый классный егерь есть, Мишка Колчанов. Уже ждет нас.

– Да вы сдурели! Какая охота! У меня же работа, срочное дело! Останови, я кому сказал?!

– Дядя Саша, успокойтесь, ради бога. Какая может быть работа в выходные?

– В выходные?!

– Конечно. Да не волнуйтесь. Семью вашу предупредили, Ирина Генриховна не возражала, даже приветствовала, можно сказать.

Турецкий, наконец, сдался:

– Могу себе представить... Сейчас... у нас что? Вечер пятницы?

– Субботнее утро.

Турецкий глянул в окно. Действительно, рассветало. Под колесами похрустывал свежий, целинный еще снежок.

– А где сам-то, дядя твой замечательный?

– Сзади.

– В багажнике?! – ужаснулся Турецкий.

Денис укоризненно глянул в зеркальце заднего обзора: – Ну какой же здесь багажник? Сзади он едет. Хмель за рулем прогоняет.

КАТЯ

11 февраля, день

В РУОПе, на Огарева, 6, хмурый, с красными глазами и огромными волосатыми руками капитан Лихачев вот уже десять минут изучал Катино заявление о похищении Эльдара. Создавалось впечатление, что он или не умеет читать вовсе, или читает между строк.

Кабинет его выглядел весьма заурядно, чтобы не сказать типично: тесный, с обшарпанными голыми стенами, кое-где прикрытыми старыми глянцевыми календарями, выдавшим виды канцелярским столом и несколькими раздолбанными стульями.

– Ну, рассказывайте, – он отложил исписанные листки и, подперев подбородок руками, устало посмотрел на Катю.

– Там же все написано.

– А я хочу еще раз послушать. – Видимо, он все-таки не умел читать.

Катя медленно и внятно изложила свою историю, стараясь не перегружать ее эмоциями. Капитан закурил и, откинувшись в кресле, разглядывал посетительницу из-под приспущенных век. Пожалуй, надежная барышня. Такая не станет визжать и бухаться в обморок при виде царапины. И говорит хорошо, толково говорит, по сути.

– Вот пленка, – закончила свой рассказ Катя и протянула руоповцу диктофон. В его огромной ладони он казался совершенно несерьезным. Лихачев нажал кнопку «play», из динамика вырывался только невнятный шелест. Он сделал погромче и поднес диктофон прямо к уху.

– Так тут же нет ничего. – Капитан разочарованно уставился на Катю.

– Перемотайте немного. Я его еще в машине включила.

Нужное место действительно было найдено.

– В принципе все ясно. – Лихачев осторожно поставил диктофон на край стола. – Только я не понял из заявления, этот Назаров, он вам кто, муж?

– Нет, он мне не муж, пока, по крайней мере, – и продолжила про себя: «И я рискую овдоветь, не выйдя замуж».

– Значит, так и запишем, сожитель. – Капитан сделал пометку на последней странице заявления. Катю немного покорило от такой формулировки. Впрочем, хоть калачом называй, только в печь не ставь.

– Фотография у вас имеется?

Собираясь в милицию, Катя подумала, что наверняка понадобится снимок. Но, к удивлению, она обнаружила, что ничего подходящего у нее нет. Эльдар не любил фотографироваться, и она смогла найти только два снимка. На первой они вдвоем на набережной Москвы-реки, недалеко от Красной площади, дурачатся – Эльдар держит ее на руках и делает вид, что собирается бросить в воду. (Сукин сын, после щелчка фотографа ведь и бросил!) Нет, этот снимок слишком личный, да и лицо Эльдара немного не в фокусе. На второй фотографии Эльдар уже один в зоопарке на Красной Пресне, на фоне клетки с обезьянами, и улыбка у него жутко дурацкая, как и у тех, что позади него. Но не афишу же нести в милицию. Для РУОПа пришлось выбрать зоопарк.

Лихачев долго изучал фотографию, то поднося ее к глазам, то с расстояния вытянутой руки.

– Где-то я уже видел этого парня. Только вот где? Он никогда не проходил по нашим делам?

– Он известный певец. И видеть вы его могли по телевизору. Или на концерте. – Она постаралась увести руоповца от давнего, но все же уголовного прошлого Эльдара. Забавно, что

совсем рядом со входом в РУОП на афишной тумбе висела и его афиша. Эльдар в кепке, с гитарой и огромная надпись поперек: «Деньги – тлен» (сейчас он, возможно, уже изменил свое мнение на сей счет), так что капитан каждый день по дороге на работу мог видеть его лицо, да только вряд ли замечал.

– Да? И о чем поет? – Он положил снимок на стол и накрыл своей волосатой ручищей, словно экстрасенс, пытающийся определить характер и судьбу человека по фотографии.

– О жизни.

– Что вижу, то пою... – задумчиво прокомментировал Лихачев – Акын, значит. А, вспомнил. Певец свободы и тоски. И по нашим делам он, однако, тоже проходил, насколько я понимаю.

– Это было очень давно. – Кате было неприятно оттого, что не удалось избежать этой темы.

– Давно-то давно, а сколько волка ни корми, все равно в лес... – глубокомысленно изрек руоповец.

– Что вы хотите этим сказать?

Он, не торопясь, прикурил, обошел стол и, присев на самый краешек, навис над Катей. Теперь ей приходилось смотреть снизу вверх, что создавало физический и психологический дискомфорт.

– А вы не задумывались о том, что Назаров может оказаться в стоворе с этим Кротковым и они на пару вымогают у вас деньги?

– Эльдар увидел Кроткова впервые в то утро в моей квартире.

– И из чего это следует? Из того, что он затеял драку? Но он же артист, мог сыграть вполне натурально. Но даже если они и не были знакомы прежде, кто мешал им найти общий язык позднее?

Катя отодвинулась вместе со стулом, уходя из зоны давления.

– Если он в юности и совершал ошибки, то это не дает вам права навешивать на него ярлык уголовника-рецидивиста. Во-первых, Эльдар достаточно популярен и может заработать деньги менее экстравагантным, нежели собственное похищение, способом. Во-вторых, несмотря на судимость в прошлом, он все-таки имеет право на защиту. Или нет?

Лихачев замахал на Катю руками.

– Что вы меня агитируете за советскую власть. Я разве сказал, что отказываюсь вам помочь? – Он вернулся на свое место. – Я всего лишь выясняю все обстоятельства дела, обдумываю версии.

На самом деле Кротков со своей группировкой уже порядком засветился в оперативных сводках. Только каждый раз ему удавалось отвертеться. То за недоказанностью, то среди свидетелей вспыхивала повальная эпидемия амнезии, то сами жертвы рэкета (а именно по этому делу чаще всего он и светился), до смерти перепуганные его братвой, вдруг забирали заявление, уверяя, что все перепутали и ничего такого не было. Но с поличным взять гада до сих пор не получалось. Вот и думал капитан: стоящее ли дело, не пустышку ли тянет? Получалось, что шанс есть. И пленка – доказательство весомое, и дамочка не из пугливых попалась.

– Хорошо, сейчас отправляйтесь домой и до назначенного дня постарайтесь вести себя как обычно. За час до свидания с Кротковым подъезжайте к бензоколонке на Шипиловской улице – это недалеко от ресторана, там обговорим детали операции.

– Но я не смогу достать деньги за два дня.

– Об этом мы позаботимся. – Капитан встал, давая понять, что разговор окончен. – Кстати, скажите откровенно, если смогли бы собрать деньги, пришли бы к нам или заплатили бы молча?

Катя ответила, почти не задумываясь:

– Пришла бы все равно.

Лихачев удовлетворенно хмыкнул.

УТКИН

Иван Сергеевич Уткин не видел свою бывшую жену больше двадцати лет и даже ничего не знал о ней. Но однажды декабрьским вечером 1995 года Лариса появилась в его квартире, не позвонив, не написав, не предупредив.

Открыв дверь, Иван Сергеевич даже не сразу понял, кто посетил его в ранний час воскресенья. Лариса сильно изменилась, располнела, волосы перекрасила в темно-рыжий цвет. Косметика, в которой она раньше не нуждалась, теперь лежала на лице толстым слоем, но не могла скрыть морщин и темных обвисших кругов под глазами, когда-то небесно-голубые глаза поблекли, уголки губ опущены. Но держалась с тем же достоинством, что и двадцать лет назад.

Она сбросила ему на руки кожаное пальто, отороченное черно-бурой лисой, и по-хозяйски обошла квартиру.

– Ты неплохо устроился. – Она заглянула в ванную, зашла на кухню. – Не женился? Увидела вот тебя по телевизору, большим человеком стал. Решила навестить.

Уткин молча ходил следом.

– Ты хоть бы чаю предложил, на улице метет...

– Конечно, – он поставил чайник и порывлся в холодильник. – Ты голодна?

– В меру. Давай лучше выпьем чего-нибудь, столько лет не виделись, надо отметить.

Уткин принес бутылку сухого вина, вывернул пробку и наполнил бокалы. Все это он проделывал на автопилоте, так и не стряхнув с себя оцепенение, вызванное столь неожиданным явлением бывшей пассии. Он даже не предполагал, что встреча может быть ему настолько неприятна; хотелось побыстрее отделаться от незваной гостьи.

– Почему не шампанское? – капризно скривилась Лариса. – Разве повод не достаточно торжественный? Возвращение первой любви... или блудной жены, это уж как тебе больше нравится. Такое надо праздновать с размахом, с помпой.

– Что значит возвращение? – не понял Уткин.

– Возвращение, – она обратилась взглядом к своему маникюру, – это когда приезжаешь обратно, вновь появляешься, снова обращаешься к чему-либо прежнему... Кстати, у тебя чайник закипел.

Иван Сергеевич налил чаю и закурил:

– Ты надолго в Москву?

– Навсегда. Намоталась я по белу свету, надоело. Так что мы часто будем теперь видеться. Мужа своего прогнала...

– Какого по счету, если не секрет? – язвительно осведомился Уткин.

– Представь себе, единственного, – не менее язвительно отпаривала Лариса. – Что-то сдастся мне, ты не слишком рад моему появлению.

– Ты удивительно проницательна.

– И ты больше абсолютно никаких чувств ко мне не испытываешь? Ведь тогда мы оба были молоды и оба по-своему неправы... Или ты так не считаешь?

Уткин пожал плечами, его взгляды на жизнь с тех пор мало изменились, как, впрочем, очевидно, и ее.

Едва пригубив из своего бокала и не притронувшись к чаю, она отправилась во второй обход квартиры и на письменном столе в кабинете Уткина обнаружила Катину фотографию.

– Кстати, я хочу видеть дочь.

– Это исключено, – категорически возразил Иван Сергеевич.

– Почему? – Лариса удивленно взглянула на него. – Ты думаешь, я ей не понравлюсь?

– Нет, я так не думаю, – Уткин смутился, – но, видишь ли, Катя уверена, что ты умерла, когда рожала ее...

– Это ты сам придумал? – саркастически усмехнулась Лариса. – Почему же в этом доме нет иконостаса с портретом матери-мученицы? Я что-то вообще не вижу своих фотографий.

– В альбоме... – хмуро кивнул Уткин в сторону книжного шкафа. Она стащила с полки толстый семейный альбом и удобно устроилась в кресле.

Лариса медленно листала страницы. В альбоме были в основном Катины снимки, и, разглядывая изображения дочери, она вдруг загрустила и, как показалось, Уткину даже проследилась.

Иван Сергеевич мучительно соображал, как от нее отделаться. Конечно, Катя уже взрослая и, наверное, все поймет правильно, но мать, какая бы она ни была, всегда остается матерью, и его тогдашние мотивы для разрыва с Ларисой могут сегодня показаться дочери недостаточными, надуманными, мелочными и глупыми.

– Я хочу ее видеть. – Лариса захлопнула альбом и решительно поднялась.

– Я уже сказал, что это невозможно. – Уткин протестующе замотал головой. – Она считает тебя святой, так зачем разрушать это представление? Ты думаешь, она бросится тебе на шею и не спросит, где ты была все эти годы?

– Я так понимаю, что с тобой она не живет. – Лариса пропустила его протест мимо ушей. – Она замужем? Хотя нет, я же не видела ее свадебных фотографий. Значит, ей осточертела папочкина опека и она свила собственное гнездышко. Чем она занимается? Конечно, юриспруденцией?

Иван Сергеевич почувствовал непреодолимое желание выпить. Он сходил на кухню и глотнул еще вина, хотя сейчас ему явно требовалось кое-что покрепче, но он вообще не пил и ничего крепче кофе в доме не держал. И эту бутылку принесла Катя, когда приходила в первый раз с Эльдаром. Семейного ужина тогда как-то не получилось – не сошлись характерами с первых слов, вот и стояла неприкаянная в пустом баре.

– Ты же помнишь, я очень настойчива. Если ее адрес не дашь мне ты, отыщу сама.

– Делай что хочешь, во всяком случае, на мою помощь лучше не рассчитывай. – Он вышел в прихожую и снял с вешалки Ларисино пальто. – Твой визит и так затянулся, у меня много дел. Извини за прохладный прием, до свидания.

– Ты меня выгоняешь? – возмутилась она. – Да, я вижу, у тебя не только волос поубавилось – сердце у тебя тоже облысело! – (Уткин вспомнил: это выражение было из ее обширного адвокатского репертуара). – Нет, я так просто не уйду, не надеюсь. – Она бросилась к письменному столу и принялась перерывать блокноты и записные книжки. – Мне нужен ее адрес и телефон.

Взбешенный Уткин схватил Ларису за руку, отодрал от стола и поволок вон из квартиры. У выхода из подъезда он вручил ей пальто и сумочку и обратился к охраннику:

– Видите эту женщину? Если она еще раз появится в доме, у вас будут большие неприятности. То же передайте и своим сменщикам, все ясно?

Охранник, которому Лариса сказала, что она сестра Уткина, виновато кивал головой.

– Ты обо мне еще услышишь. – Лариса, гордо вскинув голову, вышла, хлопнув дверью. Но на улице тут же поскользнулась и грохнулась на землю.

Прошла неделя. Лариса больше не появлялась и не звонила. Звонила Катя, но о появлении матери не обмолвилась и словом, либо Лариса ее еще не отыскала, либо просто выжидала удобного момента для воссоединения с дочерью.

Было первое воскресенье нового года, Уткин собирался поработать с утра с бумагами, а после обеда сосед по площадке пригласил его на лыжную прогулку.

Сварив кофе, Иван Сергеевич вдруг обнаружил, что у него кончились сигареты, а нового блока «Мальборо», который каждую неделю покупала ему домработница, почему-то не оказалось в кухонном шкафу. Работать без сигарет Уткин не привык и потому отправился в магазин

за углом. Он купил сигареты и прошелся немного по скверу, расположенному в ста метрах от дома.

Когда он вернулся домой, первое, что он увидел, было Ларисино кожаное пальто на вешалке в прихожей. Им снова овладело бешенство: как она посмела явиться сюда снова и откуда у нее ключ?!

К сожалению, ответов на свои закономерные вопросы Иван Сергеевич получить не смог.

Когда он вошел на кухню, Лариса лежала на полу, ее некогда нежную шею тугим узлом перетягивал его собственный галстук. Сиреневый с голубыми ромбами. Лариса была мертва. В квартире повсюду присутствовали следы борьбы, мебель оказалась сдвинута, посуда на кухне разбита.

Не веря своим глазам, Уткин осмотрел тело Ларисы – пульс не прощупывался, лицо посинело и покрылось мелкой сеточкой подкожных кровоизлияний, глаза почти вылезли из орбит. Она, несомненно, была удушена, причем всего несколько минут назад: тело еще не остыло.

Уткин бросился к телефону, плохо соображая, кого нужно вызывать в первую очередь: «скорую» или милицию... И в этот момент раздался стук в дверь.

Уткин в полнейшей прострации пошел открывать и, когда увидел на пороге соседа, даже не подумал, стоит ли впускать кого-либо в квартиру. Тот лучезарно улыбался, демонстрируя свои малоэстетичные зубы. Уткин совсем нехотел подумал, что минюст здорово подходит для роли Дуремара в «Золотом ключике».

– Привет, ты что такой бледный? Стряслось что-нибудь? Тут такой грохот стоял, я решил, ты с лыжами прямо в квартире тренируешься. – Он вошел внутрь и прямо с порога заметил ногу в сапожке на шпильке, торчащую из двери на кухню. – А, семейные войны, пойду посмотрю, может, даме нужна помощь...

Уткин попытался удержать его, но тот уже достиг места происшествия и замер, открыв от изумления рот.

– За что ты ее так? – Он поковырял тело носком ботинка.

– Это не я, – еле слышно выговорил Уткин.

– А кто?

– Не знаю, – он снова взялся за телефон.

– А кто знает? – Сосед не отставал. – Эй, погоди, ты куда это звонишь?

– В милицию. – Уткин набрал 02 и тупо слушал короткие гудки, доносящиеся из трубки.

– Да погоди ты, куда твоя милиция денется. Тут надо сперва самим разобраться. –

Он махнул рукой в сторону тела. – Она тебе кто?

– Мать моей дочери.

– Круто сказано. В смысле – бывшая жена? – Он проделал свой коронный жест – ввернул воображаемую лампочку.

– Нет.

– А кто? – не унимался незваный гость. – И оставь ты, наконец, в покое телефон.

– Я вышел в магазин, вернулся, она уже была мертва, я ее не видел и с ней не разговаривал. – Уткин положил трубку и вытер о брюки вспотевшую ладонь.

– Кто-нибудь тебя в магазине запомнил?

– Конечно.

– А потом ты сразу пошел домой?

– Нет... я гулял.

– Гулял?! – возмущенно переспросил сосед. – Он гулял! А во время твоего гуляния тебя кто-нибудь видел?

– Не знаю.

– Итак, что мы имеем. – Он принялся загибать длинные тонкие пальцы. – Время смерти устанавливается с точностью, скажем, до получаса, а ты, по твоим словам, отсутствовал сколько?

– Минут тридцать пять – сорок.

– Женщина убита в твоей квартире, задушена твоим галстуком, всюду следы борьбы. И это не просто женщина, а твоя бывшая любовница, и у тебя нет твердого алиби. Я ничего не упустил?

Уткин устало пожал плечами.

– Ты хочешь остаток своих дней провести в тюрьме за преступление, которого, по твоим словам, не совершал? – Сосед оседлал табуретку и уставился на Уткина профессиональным взглядом удава.

Тот снова пожал плечами:

– А что подумает о тебе дочь, я уж не говорю о твоей карьере...

– Это бессмысленный разговор, может, ей и стоило умереть, но я ее не убивал, я звоню в милицию, и пусть они разбираются. – Иван Сергеевич уже не мог препираться и снова набрал 02.

Сосед отобрал у него трубку:

– Дай лучше я позвоню. Пойди выпей валерьянки и отдохни... Да, жаль, лыжи на сегодня придется отменить.

Через пять минут действительно приехала бригада ребят в штатском. Никаких фотоаппаратов и оборудования для дактилоскопии и прочих криминалистических хитростей при них не было. Труп погрузили на носилки и вынесли, а после «оперативники» вместо обычных для такого случая вопросов и процедур принялись молча... убирать квартиру. Мебель была расставлена по местам, ковры тщательно вычищены, всю кухню промыли каким-то раствором с запахом не то сероводорода, не то можжевельника. С вешалки исчезло Ларисино пальто и сумочка. Протерли все, к чему она могла прикоснуться, даже альбом с фотографиями не забыли.

«Интересно, они знали про него или это просто классные профессионалы?» – подумал Уткин, но тут же забыл об этом, какое это теперь имеет значение.

Через полчаса квартира сияла. Сосед, выпроводив «оперативников», вернулся к Уткину.

– Ну что, может, все-таки пойдем на лыжах побегаем? – спросил он вполне жизнерадостно.

– Кто были эти молодцы? – Иван Сергеевич медленно приходил в себя и осознавал, что кто-то его подставил, и если бы не сосед, то на его жизни впору было ставить жирный-прежирный крест. Только... не сам ли сосед и организовал весь этот спектакль с трупом в главной роли? Уж очень гладко все у него вышло. Тогда...

Сосед пропустил его вопрос мимо ушей.

– Ладно, отдыхай, заслужил. – Он дружески похлопал Ивана Сергеевича по плечу и уже у выхода обернулся и коротко хохотнул:

– Только скажи, за что ты ее все-таки?

Уткин тоже не удостоил его ответом.

Больше о Ларисе Иван Сергеевич ничего не слышал, где и кто ее похоронил, не знал, хотя даже если бы знал, вряд ли стал бы ходить на ее могилу.

12 февраля

В 10.55 Катя припарковалась у бензоколонки. В одиннадцать капитан Лихачев в старой, знавшей лучшие времена кожанке и лыжной шапочке открыл левую дверцу машины:

– Здравствуйте, барышня. Как настроение?

Катя неопределенно пожала плечами. На самом деле ей, конечно, было страшно, но признаваться в собственной слабости она не собиралась. Капитан устроился рядом с ней, а на заднее сиденье уселся его спутник лет тридцати в хлопчатобумажной спортивной куртке. Он

поставил себе на колени вместительную спортивную сумку, которую заботливо поддерживал обеими руками.

– Это Федор, он вас потом радиофицирует, – представил спутника Лихачев. Федор приветливо кивнул.

Капитан подышал на озябшие руки и пристально посмотрел на Катю.

– Слушайте внимательно. Ровно в двенадцать подъедете к ресторану. Припаркуетесь, но не будете выходить из машины. Когда они к вам подойдут, требуйте показать Назарова, мотивируя тем, что хотите убедиться, все ли с ним в порядке. Мы будем рядом, – он говорил медленно, обычным будничным голосом, стараясь внушить Кате, что для него и его людей это заурядная операция, каких было уже не меньше тысячи и которые в подавляющем большинстве завершались успешно. – Потом подойдете к их машине и передадите деньги из рук в руки Кроткову. Скажете: «Здесь ровно шестьдесят тысяч». Запомнили?

Катя возмутилась:

– Вы меня держите за дауна?

– В момент передачи денег мы их и возьмем. Как только Кротков получит сумку, тут же падайте на землю и постарайтесь уложить рядом Назарова.

– А если они не привезут Эльдара? – Несмотря на уверенность капитана, Катя все еще нервничала.

– Все равно будем брать. Даже тем более! Сомнительно, чтобы они вас с такими деньгами отпустили.

– Хорошенькое дело, – подпрыгнула Катя. – И каков же шанс у Эльдара после этого остаться в живых?!

Капитан досадливо поморщился.

– Будем надеяться на лучшее, – отрезал он. – А сейчас Федор укомплектует вас электроникой.

Федор бережно извлек из металлической коробочки крошечного «жучка» и приколот его к воротнику Катиной шубы:

– Устройство включается на звук голоса. Дальность действия до полутора километров.

– В этой сумке деньги. – Лихачев подал сумку Кате. – Вернее, не деньги, а имитация, кукла, короче говоря. Ровно шестьдесят пачек.

– А если они будут пересчитывать? – испуганно спросила она.

– Не успеют. Мы их раньше возьмем.

ТУРЕЦКИЙ И КОМПАНИЯ

14 февраля, день

Они кружили и кружили по перелескам, разъезжались и встречались с грязновской «Нивой», вылезали на мороз размять ноги и, шурясь, разглядывали безжизненные как будто пространства. На Турецкого напялили общеупотребительные валенки и полушубок.

Качка и лютый холод часам к трем дня сделали свое дело, и лица бравых охотников к концу дня приобрели землистый оттенок. А стекла машин, напротив, немного оттаяли на солнце.

Наконец обе машины разом остановились надолго – у опушки со столбом. Слава выдал своему приятелю ведомственный «калашников»:

– Ставь его на одиночный выстрел.

Турецкий, с невольной завистью глянув на снаряжение своих спутников, критически осмотрел свое.

След кабана нашли быстро, причем крупного. Но опытному егерю Колчанову что-то явно не давало покоя. Он убежал глубоко в лес и, вернувшись, сообщил:

– Волки. Трое и один. Утром зашли.

– А как же кабан? – удивился Турецкий.

На него замахали руками: ты что, дескать, не понимаешь, нельзя упускать такой случай, тем более рядом заповедник, есть серьезная опасность, что «серые» уйдут туда «резать» живность.

– А волки дорог разве не боятся?

– Они и по дороге любят прямо идти.

Денис, Мишка Колчанов и Турецкий рванули на джипе вокруг леска обрезать зверю путь. Грязнов на своей «Ниве» остался ждать у опушки.

– Ну как, Сашка, – весело закричал им вслед Грязнов, – уже почувствовал кайф?

Турецкий нехотя разлепил губы:

– Почувствовал. Охота – пуще неволи.

Остановились. Колчанов стал расставлять своих спутников «на номера». Турецкий был прикреплен к гигантской осине в полтора обхвата. Денис пошел в загон, в овраг.

Сам Колчанов остался у замерзшего русла ручья и ракиты. Время от времени он давал по радиопередатчику команду, и охотники добросовестно по очереди издавали длинные воинственные крики. Волк должен был подняться.

Турецкий подумал и засек время.

Морозец стоял градусов пятнадцать. Колчанов по егерской привычке считал куропаток...

Прошло ровно три часа. Валенки были мокрые насквозь. Турецкий подумал, что, кажется, заболевает.

Никакой волк на них так и не вышел. Колчанов честно взял вину на себя, предположив, где именно волк прошел сквозь их стройные ряды. А может быть, вообще не поднялся на крики и залег. Пора было разряжать ружья.

Турецкий подумал, что, вопреки байкам, охотники, оказывается, довольно честный народ. И совсем не завиральный.

Вечером закоренелый холостяк Слава ловко поджарил свежее мясо. Денис не слишком умело сварил картошку. Остальные скромно достали из сумок копченое сало, соленые огурцы, серый крестьянский хлеб и литр водки на троих, так чтобы разговеться.

Приняв «на грудь» сто пятьдесят «зубровок», егеря Колчанов просвещал своих гостей:

– Все знают, что во главе стаи стоит вожак. И очень мало кто – что это вовсе не самец, а матерая сука. Потому как у волков – матриархат. А вот ейный муж, суки, значит, – это уже авторитет номер два. А рядовые члены стаи – это уже их щенки, переярки (это которые от прошлого года) и прибылые (только молодняк). Вся эта свора каждый божий день патрулирует свою территорию, проходя в поисках жратвы до ста километров. Не слабо? А чего мелочиться. Матерый волчина запросто завалит самого крупного лоса. И знаете, как он это делает?

– Известно как, – заявил Грязнов. – На всех картинках это рисуют. Вцепляется волк животному в шею или в ногу и висит себе потихонечку.

– Ни фиги подобного. Примерившись хорошенько, намертво вцепляется клыками, значит, в это самое место. В промежность то есть. Упирается всеми четырьмя лапами и вырывает оттуда кусан мяса. И все. Лосю хана.

Еще через сто пятьдесят Колчанов довольно смачно продолжал:

– Это был здоровенный лосина, мать его. А лосина, это, я вам скажу, не лососина. И что вы думаете? Слава Аллаху, я с не наветренной стороны его пас, было время прицелиться. И – бах! – с одного выстрела завалил сохатого. Здоровенный – жуткое дело. Ну, отрезал я от него одну ляжку, завалил себе на плечо, иду дальше. Километров пять протопал, вдруг хруст. Выглядываю из-за куста – сохатый. Срываю винтовку и, почти не успевая прицелиться – бах! – не поверите, тоже с одного выстрела завалил другого сохатого. Подхожу к нему, глядь, а он – еще больше первого. Что же делать-то?! Отрезаю и от этого ляжку и заваливаю себе на другое плечо. Тяжело – страшное дело. Ну топаю, значит, кое-как дальше... Черт, во рту пересохло. Налейте махануть, мужики. – Он опрокинул в себя полстакана и зажмурился. Ловко подхватил двумя пальцами кусок горячего мяса и отправил его вслед за водкой.

Остальные, затаив дыхание, слушали эти охотничьи подвиги и звуки проваливающегося куска кабанятины.

Наконец рассказчик удовлетворенно отрыгнул, запил это дело холодной водой и слегка обвел присутствующих осоловелым взглядом:

– Так на чем я остановился?

– Дак ведь, – взволнованно подсказал Денис, – две ляжки у вас на плечах!

Остальные присутствующие подтверждающе закивали.

– А... две ляжки, да? Да-да-да, – спохватился бывалый охотник. – Значит, гляжу я – две ляжки у меня на плечах. Ну, и тут я ей как засадил!

...В восемь утра на ногах были уже все, кроме Колчанова, которому дали отоспаться после ратных подвигов.

Грязнов с племянником решили устроить гонки на своих машинах через заснеженное двухкилометровое поле до давешнего столба у опушки, куда, на воображаемую финишную прямую, в качестве арбитра послали Турецкого. И сам не зная зачем, забросив «калашников» за спину, он потопал к опушке.

Отмахал с полчаса, но не дошел еще до столба метров тридцати, как услышал далеко позади рев моторов. Нетерпеливые родственники, не прогрев как следует двигатели, уже взяли старт. Денис на своем «форде» сделал это легко и красиво, а вот у Славы сразу же что-то не заладилось. Впрочем, племянник держался великодушно и не разогнался слишком быстро. С другой стороны, на таком поле больше восьмидесяти километров в час, даже при всем желании, сделать было нельзя.

Вдруг что-то случилось.

– Ружья, мужики! Ружья!!! – где-то далеко взвыл оставленный не у дел Колчанов.

Турецкий повернулся назад и увидел поразительную картину. Прямо на него по полю, галопом, неся волк. Справа рядом с ним мчался джип, оттесняя волка к лесу, чтобы отвести его от Турецкого. А метрах в пятидесяти позади, но слева от волка, еще только разогналась грязновская «Нива», из которой тем не менее уже бесперебойно палил Слава.

И все мимо.

Турецкий успел подумать, что, наверное, за всю свою жизнь, включая детско-юношескую стрельбу в тирах ДОСААФ, Грязнов еще никогда так не мазал.

Волк приближался, как в кино, рваными монтажными кусками.

Турецкий снял с ремня «калашников» и взвел затвор.

Джип отогнал-таки волка в сторону от Турецкого, но зато теперь сам летел прямо на него.

«А вдруг Денис – это оборотень?» – Несколько не вовремя родилась у Турецкого безумная мысль.

Турецкий вдумчиво прицелился и соединил мушку и прорезь прицела. Серо-бурая шерсть настоящего волка, пойманная в его прицел, шла ходуном, переливаясь волнами.

Турецкий плавно нажал на курок.

Но волк вел себя не плавно. Скаля зубы и оглядываясь, он вдруг резко развернулся, и меткая пуля Турецкого прошила бензобак «Нивы», наконец-то прилично разогнавшейся параллельным курсом. Никто не успел понять, что произошло.

– Прыгай, Слава, прыгай! – отчаянно завопил Турецкий, но вряд ли кто-то его услышал.

Грязнов в азарте погони заложил крутой вираж, но не удержался и вылетел из кабины. Его «Нива» пролетела еще с десятков метров и неожиданно (но только не для «снайпера» Турецкого) взорвалась. Новое охотничье ружье осталось в машине.

Волк на мгновение остановился поглядеть на это невероятное зрелище.

Турецкий ожесточенно дергал заклинивший затвор «калашникова».

Грязнов, едва придя в себя, уже ковылял к Турецкому, доставая на бегу нож, но был непоправимо далеко.

В это мгновение джип, управляемый Денисом, уклоняясь от Турецкого, которого иначе он должен был неминуемо сбить, влетел в столб у опушки.

Теперь волк и человек с заклинившим автоматом остались один на один.

Земля за последние ночи промерзла настолько, что удержала столб в себе, и для джипа это оказалось хуже всего.

Хищник оттолкнулся задними лапами и взвился в прыжке.

Загипнотизированный Турецкий увидел летящие на него желтые глаза.

Он вспомнил: «...намертво вцепляется клыками в промежность и, уперевшись всеми четырьмя лапами, вырывает оттуда кусок мяса. Все...»

Со стороны опушки раздался сухой хлопок.

Волк все еще был в воздухе, но падал, повинувшись уже только силе притяжения.

Волк был убит в воздухе. И упал на Турецкого уже мертвым.

Подбежавший Грязнов оттащил его в сторону и поставил своего друга на ноги. В этом ему помог еще один новый охотник, похоже, спасший жизнь всей честной компании. Грязнов поднял на него глаза и увидел на лбу шрам, а за приподнятой верхней губой знакомую улыбку.

Это был Лозинский.

Обалдевший от всего на свете Турецкий чихнул несколько раз подряд.

КАТЯ

12 февраля

Ровно в 12.00 Катя была у ресторана «Ореховый». Расторопный Сеня тут же подлетел и попытался распахнуть перед ней дверцу. В стоящем неподалеку сером «БМВ» опустилось левое переднее стекло, и Кротков приветственно помахал ей рукой. Сквозь тонированные стекла на заднем сиденье смутно угадывались трое, один из которых вполне мог быть Эльдаром. А мог и не быть.

– Я никуда не пойду, пока не увижу Эльдара, – сказала Катя, искренне поразившись тому, насколько твердо и уверенно прозвучал ее голос.

Сеня, кивнув, молча испарился. Задняя дверца «БМВ» открылась, и из машины неуверенно выбрался Эльдар. Он был бледен и небрит. В Катину сторону даже не взглянул, опершись на дверцу, принялся ковырять асфальт носком ботинка и, казалось, был полностью поглощен этим занятием.

Катя вышла из машины и медленно направилась к «БМВ». Никаких признаков милиции в природе не наблюдалось. Только дворник у входа в ресторан усиленно трудился. И еще работал «дворник» на лобовом стекле «БМВ». Первый из двух, не видя реальной перспективы в том, чтобы убирать непрерывно идущий снег, щедро присыпал его песком, изготавливая огромный слоеный пирог – слой песка, слой снега и так далее, рискуя за день поднять уровень тротуара сантиметров на сорок.

Катя прошла примерно половину расстояния между машинами, когда из «БМВ» вылез Кротков и, широко улыбаясь, пошел ей навстречу:

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна. Я рад, что вы смогли почтить нас своим присутствием.

– Вот деньги, – не отвечая на приветствие, произнесла Катя и протянула ему сумку. – Здесь ровно... – начала она условную фразу и осеклась. Кротков остановился в трех шагах и досадливо махнул рукой:

– Что вы так сразу, деньги... Пойдемте, посидим, выпьем шампанского за счастливое освобождение вашего возлюбленного и наше дальнейшее плодотворное сотрудничество.

– Знаете, как раз сегодня мне что-то не хочется шампанского, – отказалась Катя, лихорадочно соображая, просчитал ли капитан Лихачев такой поворот событий. – Забирайте.

– Да будет вам... – Кротков отвернулся и пошел ко входу, где вышколенный швейцар уже распахивал перед ним дверь, одновременно сгибаясь в почтительном поклоне. Сеня потащил Эльдара туда же, и Кате ничего другого не оставалось, как идти следом.

Передача не состоялась, деньги остались у нее, и брат Кроткова было не на чем. Она беспомощно оглянулась, но рядом по-прежнему никого не было.

Кротков поджидал ее в вестибюле. Он уже разделся и перед огромным зеркалом тщательно центрировал крошечный узел своего очередного умопомрачительного (наверняка от единственного в своем роде кутюрье) галстука.

– Позвольте вашу шубку, – подлетел к Кате кто-то невыносимо услужливый.

Катя с тоской взглянула на дверь. Никто не торопился ей на помощь. Все пошло не так, как было задумано. Что толку теперь от этого «жучка»? Пока они добегут, будет уже поздно. И Катя сбросила шубу на руки гардеробщику.

Кротков взял ее под локоть, но сумку она продолжала нести сама. Официант провел их к столику, за которым уже сидели Сеня и Эльдар. Причем Эльдар, безвольно перевесив руку

через спинку стула, уставился куда-то в пространство и Катю, кажется, даже не узнавал. Да Эльдар ли это вообще?!

Она подошла к нему и повернула лицо к себе. Взгляд не сфокусировался. Он определенно не осознавал, где он и что с ним происходит.

– Что вы с ним сделали?

– Не волнуйтесь. – Кротков махнул рукой. – У нашего маэстро был творческий кризис, плавно перетекший в криз. Пришлось оказать квалифицированную медицинскую помощь. Я вас уверяю, через пару часов он будет как огурчик.

Подали шампанское «Ив Роше». Кротков поднял бокал:

– Разрешите выпить за вас, дорогая Екатерина Ивановна, за вашу красоту и прекрасные деловые качества, совершенно неотделимые друг от друга.

Катя проигнорировала возможность произнести ответный тост и молча пригубила из своего бокала. В зале было пусто, кроме их столика, только за одним еще, держась за руки, ворковали влюбленные.

Официант уже принес закуски, а Кротков так и не заикнулся о деньгах. Хотя, может, это и к лучшему. Пока он будет тут пировать, может быть, руповцы сумеют сориентироваться и как-то перегруппироваться. Катя вяло ковыряла в тарелке свой любимый креветочный салат, но так и не отправила в рот ни кусочка.

За горячим (жаркое из телятины, фаршированное вишней) Кротков разошелся и принялся расписывать Кате радужные перспективы их дальнейшего совместного бизнеса. А ей было отнюдь не до радужных перспектив, от напряжения ее потрясывало. Она украдкой поглядывала на часы, ожидая, что с минуты на минуту ворвется милиция, но прошло уже почти полчаса, а в зале не появилось ни одного нового посетителя.

Сеня не пил, находясь при исполнении, и только провожал жадным взором рюмки и рюмочки, которые залихватски вливал в себя его шеф. Наконец, отведав десерт, Кротков блаженно откинулся на стуле и закурил.

– Что ж, теперь можно и о делах поговорить. – Запрокинув голову, он пускал к потолку аккуратные колечки дыма.

Катя вытащила из-под стула сумку и поставила на краешек стола. Говорить или не нужно условную фразу? Кто ее теперь услышит, «жучок» то остался в гардеробе. Но, как говорится, кашу маслом не испортишь.

– Здесь ровно шестьдесят тысяч.

– Сеня, проверь, – вяло распорядился Кротков.

Сеня расстегнул «молнию» и одобрительно хмыкнул, увидев пухленькие зеленые пачки. Закрыв глаза, он сунул руку в сумку и наугад выдернул одну. Ногтем скovyрнув обертку, он раскрыл пачку веером, на его лице появилось выражение оскорбленной добродетели, васильковые глаза широко распахнулись и, начав фразу образцом ненормативной лексики, он с возмущением попытался закончить ее уже литературно:

– ...Босс, так это же...

Кротков на мгновение отвлекся от наблюдения за расплывающимися под потолком колечками, чтобы узнать, что же так возмутило Сеню. И в этот момент, схватив со стола к счастью неубранную вовремя десертную тарелочку с великолепным произведением кулинарного искусства, которого она так и не отведала, Катя уверенно приложила ее к наглой физиономии Кроткова. Сеня замер, возмущение на его лице уступило место удивлению. Не дожидаясь, пока он придет в себя, Катя вскочила и опрокинула столик. Остатки сервировки вместе со скатертью накрыли удивленного Сеню, опрокинувшегося вместе со стулом.

Когда Катя опомнилась, влюбленные с наручниками уже оседлали отплевывавшегося Кроткова. А в зал вбегали парни в камуфляже и дворник с автоматом.

Эльдар продолжал сидеть, не обращая внимания ни на что.

ГРЯЗНОВ

16 февраля, день

В Москву они возвращались уже на машине Лозинского. «Нива» сгорела безвозвратно, а джип Дениса требовал основательного ремонта. Его довезли до Калуги и пока что оставили там, в первом попавшемся автосервисе.

– Скажите, а вы когда-нибудь прежде стреляли во что-нибудь? – поинтересовался Лозинский у Турецкого.

– Да, – простодушно ответил тот. – Когда служил в армии. В моего соседа, когда он забрал у меня одеяло. – Изрядно устав от всех недавних перипетий, Турецкий снова задремал, автоматически отметив про себя, что физиономия Лозинского выглядит явно знакомой. А чертова простуда никак не проходит.

– Ваш приятель шутник, – оценил Лозинский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.